

Я знаю тайну

Автор:

Тесс Герритсен

Я знаю тайну

Тесс Герритсен

Джейн Риццоли и Маура Айлз #123 звезды мирового детектива

Убита молодая женщина, владелица киностудии, снимавшая фильмы ужасов. После смерти кто-то вырезал у нее глаза и положил ей в руку. Причина смерти неясна, никаких видимых повреждений, вскрытие ничего не показывает. Одновременно происходит второе убийство – на пристани найден молодой мужчина с тремя стрелами в груди. Та же история: стрелы воткнуты посмертно, причина смерти непонятна... Задача, стоящая перед детективом Джейн Риццоли и патологоанатомом Маурой Айлз, кажется неразрешимой. Но на вскрытии Мауру внезапно осеняет догадка, и чтобы убедиться в том, что ее теория верна, она решает встретиться с католическим священником, с которым их когда-то связывали близкие отношения. Выясняется, что у обеих жертв день рождения совпадает с днем памяти одного из христианских мучеников по церковному календарю...

Тесс Герритсен

Я знаю тайну

Божественной Маргарет Рули посвящается

Tess Gerritsen

I KNOW A SECRET

Copyright © 2017 by Tess Gerritsen

© Г. Крылов, перевод, 2018

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,
2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

ТЕСС ГЕРРИТСЕН-врач и писательница. Ее роман «Жатва» занял высокое место в списке бестселлеров, публикуемом «Нью-Йорк таймс». После нескольких столь же успешных остросюжетных детективов на медицинские темы Герритсен направила свой литературный талант в судебную сферу, создав замечательную серию о Джейн Риццоли и Мауре Айлз, по которой компания TNT создала телесериал с Энджи Хармон и Сашей Александер в главных ролях. В дальнейшем Герритсен ушла из медицины, целиком посвятив себя литературе. В настоящее время писательница живет в штате Мэн.

Развлечение, ускоряющее пульс.

The Philadelphia Inquirer

Невероятно напряженное, стремительно развивающееся действие ведет к пугающей развязке.

People

Герритсен обладает воображением, позволяющим ей показывать столь глубокие и пугающие пласты человеческого поведения, что в сравнении с нею Э. А. По и Г. Ф. Лавкрафт кажутся благочестивыми моралистами.

Chicago Tribune

Роман, ледящий кровь...

The Toronto Star

Утонченная, захватывающая проза... создает высокий уровень страха и возбуждения.

Chicago Tribune

1

Когда мне было семь лет, я узнала, как важно плакать на похоронах. В тот летний день в гробу лежал мой двоюродный дед Орсон, который более всего запомнился своими вонючими сигарами, дурным запахом изо рта и невозмутимым пусканием ветров. При жизни он меня почти не замечал, как и я не замечала его, так что я не погрузилась в безутешную скорбь, услышав о его смерти. Не знаю, кому было нужно мое присутствие на похоронах, но семилетнему ребенку не дано выбирать, присутствовать или нет. Вот почему я в тот день ерзала на церковной скамье, скучала и потела в черном платье, недоумевая, почему меня не оставили дома с папой, который идти на похороны категорически отказался. Папа сказал, что будет чувствовать себя лицемером, делая вид, что скорбит по человеку, которого презирал. Я не знала, что означает слово «лицемер», но не сомневалась, что тоже не хочу быть лицемером. Тем не

менее я оказалась в церкви, стиснутая между моей матерью и тетей Сильвией, и была вынуждена слушать бесконечные речи людей, воздававших бесцветную хвалу ничем не примечательному дядюшке Орсону. «Гордый и независимый человек, он со всей страстью относился к собственным привычкам! Как он любил свою коллекцию марок!»

Никто не говорил о дурном запахе у него изо рта.

Во время бесконечных заупокойных речей я развлекалась тем, что изучала головы людей, сидящих на скамье передо мной. И обратила внимание, что шляпка тети Донны усыпана перхотью, а дядя Чарли задремал и его парик съехал набок, словно коричневая крыса пыталась сползти по его голове. Я сделала то, что сделала бы любая нормальная семилетняя девочка.

Я рассмеялась.

Реакция последовала незамедлительно. Ко мне стали поворачиваться хмурые лица. Впавшая в ужас мама вонзила пять острых когтей в мою руку и прошипела:

– Прекрати!

– Но у него волосы свалились! Они на крысу похожи!

Ее когти вонзились еще глубже.

– Мы поговорим об этом позднее, Холли.

Дома никакого разговора не состоялось, были только крики и пощечина, и вот так я узнала, как подобает вести себя на похоронах. Узнала, что нужно быть мрачным и помалкивать, а иногда приветствуются и слезы.

Четыре года спустя, на похоронах матери, я сочла необходимым шумно проливать обильные слезы, потому что именно этого все ждали от меня.

Но сегодня, на похоронах Сары Бастераш, я не уверена, ждет ли кто-нибудь, что я буду плакать. Прошло более десяти лет с того дня, когда я в последний раз

видела эту девицу, которую в школе знала как Сару Бирн. Близки мы никогда не были, и я не могу сказать, что ее уход поверг меня в скорбь. По правде говоря, я пришла на ее похороны в Ньюпорт из чистого любопытства. Мне нужно знать, как она умерла. «Такая ужасная трагедия», – бормочут все в церкви вокруг меня. Ее муж отсутствовал в городе. Сара выпила несколько рюмочек и уснула, а на ее прикроватной тумбочке горела свеча. Пожар вспыхнул по чистой случайности. По крайней мере, так говорят свидетели.

Мне хочется в это верить.

Маленькая церковь в Ньюпорте набита битком, заполнена всеми друзьями, которыми Сара успела обзавестись за свою короткую жизнь. Большинство из них я не знала, как не знала и ее мужа Кевина. При более счастливых обстоятельствах он мог бы быть вполне привлекательным, достойным того, чтобы я попыталась очаровать его, но сегодня он выглядит искренне сломленным. Неужели это скорбь делает нас такими?

Я оглядываю церковь и вижу позади себя свою одноклассницу Кейти. Лицо у нее распухло, от слез тушь потекла по щекам. Почти все женщины и многие мужчины плачут, потому что кто-то поет старый квакерский, гимн «Простые дары», который, похоже, всегда вызывает такую реакцию. На мгновение наши с Кейти глаза встречаются: ее – полные слез и мокрые, мои – холодные и сухие. Я так изменилась со школьных времен, что вряд ли меня можно узнать, но все же она уставилась на меня пронзительным взглядом, будто увидела призрака.

Я отворачиваюсь и снова смотрю вперед.

К тому времени, когда заканчиваются «Простые дары», мне тоже удастся выдавить немного слез, как у всех.

Я присоединяюсь к длинной очереди провожающих, чтобы отдать последний долг, а проходя мимо закрытого гроба, вижу фотографию Сары на подставке. Ей было всего двадцать шесть, на четыре года меньше, чем мне, и на фотографии она свежая, розовощекая и улыбающаяся, та самая хорошенькая блондинка, какой я ее помню по школьным дням, когда я была девчонкой, которую никто не замечал, призраком, прячущимся по углам. И вот я здесь, моя кожа по-прежнему свежа, а Сара, хорошенькая маленькая Сара, превратилась в обугленные кости, лежащие теперь в этом ящике. Все наверняка так и думают, глядя на

изображение Сары до пожара; они видят улыбающееся лицо на фотографии, а представляют обгоревшие останки, почерневший череп.

Очередь продвигается, я приношу соболезнования Кевину. Он бормочет: «Спасибо, что пришли». Он понятия не имеет, кто я и откуда знаю Сару, но видит на моих щеках следы слез и благодарно жмет мне руку. Я оплакала его умершую жену, а большего для того, чтобы пройти испытание, и не требовалось.

Я выскальзываю из церкви навстречу холодному ноябрьскому ветру и быстро иду прочь, потому что не хочу, чтобы меня перехватила Кейти или какая-нибудь другая знакомая из детства. За прошедшие годы мне удавалось всех их избегать.

А может быть, они избегали меня.

Сейчас всего два часа, и, хотя мой босс в «Буксмарт медиа» отпустил меня на весь день, я думаю заглянуть в офис – просмотреть имейлы, прослушать телефонные звонки. Я рекламный агент десятка авторов, и мне необходимо регулярно появляться перед прессой, отправлять корректуры, предлагать свои услуги. Но прежде чем вернуться в Бостон, я должна сделать еще одну остановку.

Я еду к дому Сары – или к тому, что было ее домом. Теперь там только обгоревшие руины, обугленные бревна и груды кирпичей в сажу. Белый штакетник, прежде ограждавший лужайку перед домом, лежит поломанный, вдавленный в землю, уничтоженный пожарными, тащившими с улицы свои шланги и лестницы. К тому времени, когда приехали пожарные машины, в доме уже бушевал огненный ад.

Я выхожу из машины и приближаюсь к руинам. В воздухе все еще стоит запах дыма. С тротуара я вижу слабое поблескивание холодильника из нержавеющей стали в черной горе мусора. Одного лишь взгляда на этот ньюпортский район мне достаточно, чтобы понять, что дом был не из дешевых, и я пытаюсь сообразить, каким бизнесом занимается муж Сары или есть ли деньги у его семьи. Такого преимущества у меня определенно никогда не было.

Дует порывистый ветер, и опавшие листья шуршат у меня под ногами, вызывая в памяти другой осенний день двадцать лет назад, когда мне было десять и сухая

листва в лесу похрустывала под моими башмаками. Тот день все еще тенью лежит на моей жизни, и по этой причине я стою сегодня здесь.

Я смотрю на импровизированный мемориал, созданный в честь Сары. Люди оставили здесь букеты цветов, я вижу холмик из увядших роз, лилий, гвоздик – цветочная дань молодой женщине, которую явно любили. Внезапно мое внимание привлекает зелень, не входящая в какой-то из букетов, а брошенная поверх других цветов, словно запоздалая идея.

Это пальмовый лист. Символ мученичества.

По моей спине пробегает холодок, и я спешу уйти. Сквозь стук сердца я слышу звук приближающегося автомобиля, поворачиваюсь и вижу патрульную машину ньюпортской полиции, сбросившую скорость почти до черепашьего шага. Окна закрыты, и лица полицейского я не вижу, но знаю, что он, проезжая, пристально разглядывает меня. Я отворачиваюсь и ныряю в свою машину.

Несколько секунд я сижу и жду, когда успокоится сердце и перестанут дрожать руки. Я снова смотрю на руины дома и представляю себе шестилетнюю Сару. Хорошенькая маленькая Сара Бирн подпрыгивает на сиденье школьного автобуса. В тот день нас было пятеро в автобусе.

Теперь осталось только четверо.

– Прощай, Сара, – шепчу я, потом завожу машину и еду назад в Бостон.

2

Даже монстры смертны.

Женщина, лежащая по другую сторону окна, могла казаться таким же человеческим существом, как и остальные пациенты в реанимации, но доктор Маура Айлз прекрасно знала, что на самом деле Амальтея Лэнк – монстр. За окном бокса находилось существо, которое бродило по ночным кошмарам Мауры, бросало тень на ее прошлое и предсказывало ее будущее.

«Это моя мать».

– Мы слышали, что у миссис Лэнк есть дочь, но не знали, что вы совсем рядом, в Бостоне, – сказал доктор Вонг.

Не прозвучала ли в его голосе нотка неодобрения? Упрек в том, что она пренебрегает дочерним долгом и не пришла к постели умирающей матери?

– Она моя биологическая мать, – ответила Маура, – но, когда я была совсем ребенком, она отдала меня в другую семью. Я узнала о ней всего несколько лет назад.

– Однако вы с ней встречались?

– Да. Но я не разговаривала с ней с... – Маура оборвала себя. «С тех пор, как поклялась не иметь с ней ничего общего». – Я не знала, что она в реанимации, пока сегодня днем мне не позвонила медсестра.

– Ее приняли сюда два дня назад, после того как у нее поднялась температура и число лейкоцитов стремительно увеличилось.

– Какой показатель сейчас?

– Уровень нейтрофилов – это определенный тип белых кровяных телец – составляет всего пять сотен. А должен быть в три раза выше.

– Вы, вероятно, уже начали эмпирическую терапию? – Маура заметила, что он удивленно моргнул, и сказала: – Извините, доктор Вонг, я должна была сразу сообщить, что я врач. Занимаюсь медицинской экспертизой.

– О, я не понял. – Он откашлялся и тут же перешел на общий для медиков профессиональный жаргон. – Да, мы начали эмпирическую терапию антибиотиками сразу же после посева крови. Приблизительно у пяти процентов пациентов при таком же, как у нее, режиме химиотерапии развивается фебрильная нейтропения.

– И какой у нее сейчас режим химиотерапии?

– Фолфиринокс. Это сочетание четырех лекарств, включая фторурацил и фолиниевую кислоту. Одно французское исследование показало, что фолфиринокс продлевает жизнь пациентам с метастатическим раком поджелудочной железы, но пациенты должны наблюдаться на предмет повышения температуры. К счастью, тюремная медсестра во Фрамингеме контролировала ситуацию. – Он замолчал, подыскивая способ задать деликатный вопрос. – Надеюсь, вы не будете возражать, если я спрошу?

– Пожалуйста.

Тема, которую он хотел затронуть, явно вызывала у него чувство неловкости. Гораздо проще было говорить о лейкоцитах, антибиотиках, научных данных, потому что факты не принадлежали ни добру, ни злу, они не требовали нравственной оценки.

– В ее медицинской карте из Фрамингема не говорится, почему она оказалась в тюрьме. Нам только сказали, что она отбывает пожизненный срок и приговор исключает досрочное освобождение. Сопровождающий ее охранник требует, чтобы его подопечная была постоянно пристегнута наручниками к кровати, а это мне представляется настоящим варварством.

– Просто у них такой протокол содержания госпитализированных заключенных.

– Она умирает от рака поджелудочной железы, и все видят, насколько она слаба. Она определенно не в состоянии вскочить с кровати и убежать. Но охранник сказал, что она гораздо опаснее, чем кажется.

– Это правда.

– За что она сидит?

– За убийства. Серийные.

Он посмотрел на Амальтею через окно:

– Вот эта женщина?

– Теперь вы понимаете, почему наручники. И почему у бокса дежурит охранник.

Маура взглянула на полицейского в форме, который сидел у двери, наблюдая за их разговором.

– Простите, – сказал доктор Вонг. – Вам, вероятно, нелегко знать, что ваша мать...

– Убийца? Да.

«И вы еще не знаете худшего. Вы не знаете об остальном семействе».

Глаза Амальтеи медленно открылись. Костлявый палец поманил Мауру жестом столь же ужасающим, как мановение когтя самого Сатаны. «Мне нужно повернуться и уйти», – подумала молодая женщина. Амальтея не заслуживала чьего-либо сочувствия или доброты. Но Мауру связывали с этой женщиной узы прочные, как сталь. Уже одна только ДНК подтверждала, что Амальтея Лэнк – ее мать.

Мужчина-охранник пристально следил за Маурой, пока та облачалась в одноразовый халат и надевала респиратор. Визит будет далеко не приватным: охранник станет наблюдать за каждым их взглядом и жестом, и по больнице наверняка поползут неизбежные слухи. Доктор Маура Айлз, бостонский патологоанатом, чей скальпель рассек бесчисленное количество трупов, женщина, которая регулярно ходит по следам старухи с косой, – дочь серийного убийцы. Смерть – их семейный бизнес.

Амальтея посмотрела на Мауру глазами черными, как осколки обсидиана. В назальной канюле тихонько шипел кислород, на мониторе над кроватью пробегала по экрану кривая сердечного ритма. Доказательство того, что человек, даже настолько бездушный, как Амальтея, тоже имеет сердце.

– Значит, ты все же пришла ко мне, – прошептала Амальтея. – Хотя и поклялась, что никогда не придешь.

– Мне сказали, что ты в критическом состоянии. Может быть, это наша последняя возможность поговорить. И я хотела увидеть тебя, пока еще есть такая возможность.

– Потому что тебе что-то надо от меня?

Маура недоуменно покачала головой:

– Что мне может быть надо от тебя?

– Так заведено, Маура. Все разумные существа ищут преимущества. Все, что мы делаем, мы делаем исходя из собственной выгоды.

– Ты – может быть. Но не я.

– Тогда почему ты пришла?

– Потому что ты умираешь. Потому что ты пишешь мне, просишь меня прийти. Потому что мне хочется верить, что я не лишена сострадания.

– Которого лишена я.

– Как думаешь, почему ты прикована к кровати наручниками?

Амальтея поморщилась и закрыла глаза, ее рот внезапно сжался от боли.

– Наверное, я это заслужила, – прошептала она.

На ее верхней губе проступил пот, и несколько мгновений она лежала совершенно неподвижно, даже дыхание давалось ей с мучительным трудом. Когда Маура видела ее в последний раз, черные, с обильной сединой волосы Амальтеи были густыми. Теперь на ее черепе держалось лишь несколько прядей – все, что осталось после жестокого курса химиотерапии. Виски ввалились, и кожа обвисла, как упавшая палатка, на подпорках лицевых костей.

– Тебе, кажется, больно. Дать морфия? – спросила Маура. – Я позову сестру.

– Нет. – Дыхание ее восстановилось. – Пока не надо. Мне нужно быть в ясном сознании. Нужно поговорить с тобой.

– О чем?

– О тебе, Маура. О том, кто ты.

– Я знаю, кто я.

– Правда? – Амальтея смотрела на нее темными, бездонными глазами. – Ты моя дочь. Этого ты не можешь отрицать.

– Но я совсем не такая, как ты.

– Потому что тебя вырастили уважаемые мистер и миссис Айлз из Сан-Франциско? Потому что ты ходила в лучшие школы, получила лучшее образование? Потому что ты работаешь на истину и правосудие?

– Потому что я не убила две дюжины женщин. Или их было больше? В твоём окончательном подсчете есть и другие женщины, которые не фигурировали на процессе?

– Это все прошлое. Я хочу поговорить о будущем.

– Стоит ли беспокоиться? Тебя там нет.

Это было жестоко, но Маура не собиралась проявлять милосердие. Она вдруг почувствовала, что ею манипулируют, что ее заманила сюда женщина, которая точно знает, за какие веревочки дергать марионетку. В течение нескольких месяцев Амальтея забрасывала ее письмами. «Я умираю от рака. Я твоя единственная кровная родня. Это твоя последняя возможность проститься». Не многие слова имеют такую силу, как «последняя возможность». Упусти ее – и потом всю жизнь будешь сожалеть.

– Да, я умру, – произнесла Амальтея обыденным тоном. – И ты останешься с вопросом, кто же были твои сородичи.

– Мои сородичи? – Маура рассмеялась. – Словно мы какое-то племя.

– Да, мы племя. Мы принадлежим племени, которое кормится с мертвецов. Как это делали мы с твоим отцом. Как твой брат. И разве не смешно, что ты занимаешься тем же? Спроси себя, Маура, почему ты выбрала эту профессию? Такое странное желание. Почему ты не преподаватель или банкир? Что заставляет тебя вскрывать мертвецов?

– Это чисто научный интерес. Я хочу знать, почему они умерли.

– Конечно. Логичный ответ.

– А разве он не лучший?

– Все дело в темноте. Мы обе разделяем ее. Разница в том, что я ее не боюсь, а ты – боишься. Ты пытаешься рассеять страх, вскрывая его своими скальпелями в надежде раскрыть его тайны. Но из этого ничего не получается, верно? Твоя фундаментальная проблема остается нерешенной.

– И что же это за проблема?

– Она внутри тебя. Темнота – часть тебя.

Маура заглянула в глаза матери, и от того, что она там увидела, в горле у нее пересохло. «Боже мой, я ведь вижу себя». Она отпрянула.

– С меня хватит. Ты просила меня приехать, и я приехала. Больше не присылай мне писем, я не буду на них отвечать. – Она повернулась к выходу. – Прощай, Амальтея.

– Ты не единственная, кому я пишу.

Маура, уже готовая открыть дверь бокса, остановилась.

– Я кое-что знаю. Знаю то, что и ты тоже захочешь узнать. – Амальтея закрыла глаза и вздохнула. – Кажется, тебе не слишком интересно, но это только пока. Потому что скоро ты найдешь еще одну.

«„Еще одну“ что?»

Маура помедлила на пороге, не желая снова быть втянутой в разговор. «Не отвечай, – подумала она. – Не позволяй ей поймать тебя в ловушку».

Ее спас мобильник, низкое вибрирующее жужжание в ее кармане. Не оборачиваясь, Маура вышла из бокса, стащила с лица респиратор и нащупала под халатом телефон.

– Доктор Айлз, – произнесла она.

– У меня для тебя преждевременный рождественский подарок, – сказала детектив Джейн Риццоли, чей голос звучал слишком беззаботно для той новости, которую она собиралась сообщить. – Белая женщина двадцати шести лет. Умерла в кровати. Полностью одетая.

– Где?

– Мы в Кожевенном районе[1 - Кожевенный район – район в Бостоне, названный по обилию там в XIX в. кожевенных мастерских.], на Утика-стрит. Не могу дожидаться, когда ты приедешь и скажешь свое мнение.

– Ты говоришь, она в кровати? В собственной?

– Да. Ее нашел отец.

– И это точно убийство?

– Ни малейших сомнений. Но Фрост в штаны наложил из-за того, что случилось с ней после. – Джейн помолчала и тихо добавила: – По крайней мере, я надеюсь, что она была мертва, когда это произошло.

Через окно бокса Маура видела, что Амальтея смотрит на нее пронизательными любопытствующими глазами. Конечно, ей любопытно: ведь смерть – их семейный бизнес.

– Сколько тебе нужно, чтобы добраться сюда? – спросила Джейн.

– Я сейчас во Фрамингеме. Понадобится некоторое время, в зависимости от трафика.

– Во Фрамингеме? Что ты там делаешь?

Маура не имела никакого желания обсуждать этот предмет, особенно с Джейн.

– Выезжаю, – сказала она, отключилась и посмотрела на свою умирающую мать.

«Здесь мне больше нечего делать, – подумала она. – Я никогда не увижу тебя снова».

Губы Амальтеи медленно скривились в улыбке.

3

Когда Маура добралась до Бостона, на город уже опустилась темнота, а промозглый ветер прогнал людей с улиц. Утика-стрит была узкой, и ее заполнили всякие служебные машины, поэтому Маура припарковалась за углом и помедлила, оглядывая безлюдную улицу. За последние несколько дней сначала выпал снег, затем наступила оттепель, а потом грянул лютый холод, и на тротуарах образовалась предательская ледяная корка. «Пора начинать работу. Пора оставить Амальтею в прошлом», – подумала Маура. Именно это Джейн и советовала ей сделать еще несколько месяцев назад: «Не ходи к Амальтее, даже не думай о ней. Пусть она сгниет в тюрьме».

«Теперь все кончено, – подумала Маура. – Я попрощалась, и она наконец ушла из моей жизни».

Она вышла из своего «лексуса», и ветер подхватил полы ее длинного черного пальто, пробрался сквозь ткань шерстяных брюк. Маура быстро, насколько позволял скользкий тротуар, зашагала мимо кофейни и спрятавшегося за жалюзи туристического агентства и свернула на Утика-стрит, напоминавшую

узкий каньон между складами из красного кирпича. Когда-то это был район кожевников и оптовых торговцев. Многие из зданий девятнадцатого века были перестроены под жилые помещения, и промышленный прежде район стал модным обиталищем местных художников.

Маура обошла кучу строительного мусора, частично перегородившую улицу, и заметила впереди мрачноватый свет синей мигалки патрульной машины, словно маяк, посылающий сигналы бедствия. Сквозь лобовое стекло виднелись силуэты двух патрульных, двигатель работал, чтобы внутри было тепло. Когда Маура подошла, окно машины опустилось.

– Привет, док! – улыбнулся ей патрульный. – Вы пропустили самое интересное. Только что уехала «скорая».

Хотя лицо его было знакомо Мауре и он явно узнал ее, она понятия не имела, как его зовут, – это случалось с ней довольно часто.

– И что же было самое интересное? – спросила она.

– Риццоли в доме разговаривала с одним типом, а он схватился за грудь, брык – и упал. Наверно, инфаркт.

– Он еще жив?

– Увозили – был жив. Жаль, что вас не было, – доктор им бы не помешал.

– У меня другая специализация. – Она посмотрела на дом. – Риццоли все еще там?

– Да, вам вверх по лестнице. Неплохая квартирка. Жить в такой круто, если ты не помер.

Патрульный поднял окно, и она услышала, как полицейские хохочут над собственной шуткой. Ха-ха, шутка с места смерти. Совсем не смешно.

Маура остановилась на кусачем ветру, чтобы надеть бахилы и перчатки, потом вошла в дом. Дверь за ней громко захлопнулась, и она резко остановилась,

оказавшись перед изображением залитой кровью девушки. На стене в прихожей, словно некое жуткое приглашение-приветствие, висел постер фильма ужасов «Кэрри» – кровавые брызги техникolorа, которые неминуемо заставляли вздрогнуть любого, входившего в эту дверь. На стене красного кирпича вдоль лестницы висела целая галерея подобных постеров. Поднимаясь по ступенькам, Маура прошла мимо «Дня триффидов», «Колодца и маятника», «Птиц», «Ночи живых мертвецов».

– Наконец-то, – раздался голос Джейн с площадки второго этажа. Она показала на «Ночь живых мертвецов». – Ты только представь: приходишь каждый день домой, и тебя встречает такая вот радость.

– Эти постеры, похоже, оригиналы. Не на мой вкус. Но, видимо, довольно ценные.

– Заходи, и получишь целую охапку того, что тоже не на твой вкус. Уж не на мой-то точно.

Маура последовала за Джейн в квартиру и остановилась, чтобы полюбоваться массивными деревянными балками наверху. На полу сохранялись широкие оригинальные дубовые доски, отполированные до блеска. Сделанный со вкусом ремонт преобразовал то, что некогда было складом, в великолепный жилой дом, явно не по карману какому-либо голодающему художнику.

– Мой дом ни в какое сравнение не идет, – сказала Джейн. – Я бы с удовольствием сюда переехала, но сначала избавилась бы от этой штуковины на стене – у меня от нее мурашки по телу. – Она показала на чудовищный красный глаз, смотревший с еще одного постера-страшилки. – Название видишь?

– «Я тебя вижу», – прочитала Маура.

– Запомни это название. Возможно, оно имеет скрытый смысл, – зловещим тоном произнесла Джейн.

Она провела Мауру через открытую кухню, мимо вазы со свежими розами и лилиями – щедрым прикосновением весны в этот декабрьский вечер. На черной гранитной столешнице лежала карточка флориста с надписью фиолетовыми чернилами: «Поздравляю с днем рождения! С любовью, папа».

– Ты сказала, что ее нашел отец? – спросила Маура.

– Да, этот дом принадлежит ему. Он позволял дочери жить здесь без арендной платы. Сегодня она должна была встретиться с отцом на ланче в «Фор сизонс», чтобы отметить ее день рождения. В назначенное время не появилась, на телефонные звонки не отвечала, и отец решил приехать посмотреть. Говорит, что входная дверь не была заперта, но все остальное не вызвало у него беспокойства. Пока он не прошел в спальню. Дойдя до этого места в своих показаниях, он схватился за сердце, и нам пришлось вызывать «скорую».

– Патрульный внизу сказал, что отец все еще был жив, когда его увозили.

– Но выглядел он неважно. После того, что мы нашли в спальне, я опасалась, что и Фросту придется вызывать «скорую».

Детектив Барри Фрост стоял в дальнем углу спальни, намеренно не отрывая глаз от блокнота, в котором что-то сосредоточенно писал. Его мертвенная бледность бросалась в глаза сильнее обычного, и он удостоил Мауру лишь коротким кивком. Да и она едва взглянула на Фроста; ее внимание было приковано к кровати, на которой нашли жертву. Молодая женщина лежала в удивительно безмятежной позе, раскинув руки по бокам, словно просто прилегла вздремнуть, не расстилая кровать и не раздеваясь. Она была вся в черном, от чулок до водолазки, что еще больше подчеркивало бледность ее лица. Волосы у нее тоже были черные, и только светлые корни выдавали, что цвет воронова крыла обретен благодаря краске. В ушах – масса золотых штифтиков, золотое колечко посверкивало и в правой брови. Но потрясенное внимание Мауры привлекло то, что зияло ниже бровей.

Обе глазницы были пусты. Содержимое изъяли – осталась только кровавая пустота.

Пораженная Маура посмотрела на левую руку женщины – на то, что, словно два белых камешка, лежало воткнутой ладони.

– И вот это-то, мальчики и девочки, делает вечерок интересным, – сказала Джейн.

– Двусторонняя энуклеация глазных яблок, – тихо произнесла Маура.

– Это кучерявое медицинское название того, что по-простому называется «кто-то вырезал ей глаза»?

– Да.

– Мне нравится, как ты всему придаешь замечательно сухой клинический поворот. В этом свете тот факт, что она держит в руке собственные глаза, представляется не столь чудовищным.

– Расскажите мне о жертве, – попросила Маура.

Фрост неохотно оторвался от своего блокнота:

– Кассандра Койл, двадцать шесть лет. Живет... жила здесь одна. Бойфренда в последнее время не имела. Она независимый кинопродюсер, у нее собственная компания, называется «Крейзи Руби филмз». Размещается в небольшой студии на Саут-стрит.

– Это здание тоже принадлежит ее отцу, – добавила Джейн. – У ее семьи явно водятся деньги.

Фрост продолжил:

– Ее отец говорит, что в последний раз общался с жертвой сегодня днем, около пяти-шести часов, она как раз выходила из студии. Мы собираемся туда, чтобы допросить ее коллег и попытаться выяснить точное время, когда они видели ее в последний раз.

– А какие фильмы они снимают? – спросила Маура, хотя ответ был очевиден: об этом красноречиво говорили постеры, повешенные на лестнице.

– Ужасики, – ответил Фрост. – Ее отец сказал, они только что закончили съемку их второго фильма.

– И это согласуется с ее чувством стиля, – заметила Джейн, глядя на многочисленных пирсингов и черные волосы. – Я думала, готы уже вышли из моды, но эта девица заставила меня переменить мнение.

Маура неохотно вернулась к тому, что лежало в руке убитой. На воздухе роговица высохла, и блестящие, прежде голубые глаза потускнели, заволоклись туманом. Хотя перерезанные мышцы и сморщились, Маура видела прямые мускулы, которые так точно управляют движениями человеческого глаза. Те шесть мускулов, что действуют в тесном взаимодействии, позволяя охотнику следить за уткой в небе, а ученику – пробежать взглядом страницу учебника.

– Пожалуйста, скажи нам, что она уже была мертва, когда он сделал... это, – проговорила Джейн.

– Энуклеация кажется мне посмертной, судя по состоянию пальпебральных складок.

– Состоянию чего?

– Складок на верхнем веке. Видите, внешние ткани почти не повреждены. Тот, кто удалил глазные яблоки, не торопился. Если бы она оставалась живой и сопротивлялась, это было бы трудно сделать. Кроме того, потеря крови минимальна, а это говорит о том, что сердце у нее уже не работало. Циркуляция крови прекратилась к тому времени, когда был сделан первый надрез. – Маура замолчала, разглядывая пустые глазные впадины. – Эта символика просто поразительна.

Джейн обернулась к Фросту:

– Я же тебе говорила, что она это скажет.

– Глаза считаются зеркалом души. Может быть, убийце не понравилось то, что он увидел в них. Или ему не понравилось, как она на него посмотрела. Может быть, он почувствовал угрозу в ее взгляде и отреагировал – вырезал ей глаза.

– А может быть, к этому имеет какое-то отношение ее последний фильм, – добавил Фрост. – «Я тебя вижу».

Маура удивилась:

– Так это ее фильм?

– Она написала сценарий и продюсировала съемки. Как говорит ее отец, это был ее первый художественный фильм. Поди узнай, кто его видел. Может, какой-то психопат.

– Кого-то он вдохновил, – заметила Маура, глядя на два глаза в руке жертвы.

– У тебя когда-нибудь было такое дело, док? – спросил Фрост. – Жертва с вырезанными глазами?

– Было в Далласе, – ответила Маура. – Я в деле не участвовала, но слышала о нем от коллеги. Трех женщин застрелили и у мертвых вырезали глаза. Первые глаза убийца вырезал хирургически аккуратно, как в нашем случае, но к третьей жертве стал неряшливым. На этом его и поймали[2 - Отсылка к действительному случаю: убийца Чарльз Фредерик Олбрайт, психопат, прозван «глазным убийцей»].

– То есть это был серийный убийца.

– К тому же опытный таксидермист. Когда его арестовали, полиция нашла в его квартире десятки фотографий женщин, и на всех фотографиях были вырезаны глаза. Он ненавидел женщин и сексуально возбуждался, причиняя им боль. – Она посмотрела на Фроста. – Но это единственный подобный случай, о котором мне известно. Такого рода увечья встречаются крайне редко.

– У нас – первый случай, – сказала Джейн.

– Будем надеяться, первый и последний.

Маура взяла правую руку убитой и постаралась согнуть в локте – оказалось, что сустав неподвижен.

– Кожа холодная, состояние полного трупного окоченения. Исходя из звонков ее отца, мы знаем, что вчера около пяти вечера она еще была жива. Это сужает

посмертный интервал до промежутка между двенадцатью и двадцатью четырьмя часами. – Маура подняла голову. – Есть свидетели, которые могли бы уточнить время смерти? Камеры наблюдения в районе?

– В этом квартале их нет, – ответил Фрост. – Но я заметил камеру на здании за углом. Похоже, она контролирует въезд на Утика-стрит. Может быть, камера зафиксировала жертву, когда та возвращалась домой. А если нам повезет, может, мы и еще кого-нибудь увидим на записи.

Маура оттянула воротничок водолазки на трупe, проверяя, нет ли синяков или странгуляционной борозды, но ничего такого не увидела. Затем она подняла низ водолазки, обнажив торс, и с помощью Джейн повернула тело на бок. Спина была синюшно-фиолетовой из-за посмертного скопления крови. Маура прижала палец в перчатке к обесцвеченной плоти и обнаружила, что трупные пятна зафиксированы, а это подтверждало, что жертва была мертва не менее двенадцати часов.

Но что стало причиной смерти? Кроме извлеченных глаз, Маура пока не нашла никаких повреждений.

– Ни огнестрельных ранений, ни крови, ни свидетельств удушения, – отметила она. – Я не вижу никаких других травм.

– Он вырезает глазные яблоки, но не забирает их, – сказала Джейн, нахмурившись. – Напротив, он оставляет их у нее в руке, словно некий отвратительный прощальный дар. Что, черт побери, это означает?

– Это вопрос к психологу. – Маура выпрямилась. – Здесь я не могу определить причину смерти. Посмотрим, что покажет вскрытие.

– Может быть, передозировка? – предположил Фрост.

– Такая гипотеза, безусловно, в начале списка. Проверка на наркотики и токсические вещества даст нам ответ. – Маура сняла перчатки. – Она будет первой в моем завтрашнем расписании.

Джейн пошла следом за Маурой из спальни.

– Маура, ты ни о чем не хочешь поговорить?

– Я смогу сказать тебе больше после вскрытия.

– Я не имею в виду это дело.

– Не понимаю, о чем ты.

– По телефону ты сказала, что находишься во Фрамингеме. Пожалуйста, скажи мне, что ты ездила туда не для того, чтобы встретиться с этой женщиной.

Маура невозмутимо застегнула пуговицы на пальто.

– Ты так говоришь, будто я совершила преступление.

– Значит, ты туда ездила. Мне казалось, мы обе согласились, что тебе нужно держаться подальше от нее.

– Амальтею положили в реанимацию. У нее осложнения после химиотерапии, и я не знаю, сколько еще она протянет.

– Она тебя использует, играет на твоём сострадании. Господи, Маура, у тебя опять будет душевная травма.

– Знаешь, я вообще не хочу говорить об этом.

Не оглядываясь, Маура спустилась по лестнице и вышла из дома. Ледяной ветер неся по улице, обжигал ее лицо, трепал волосы. По пути к машине она услышала, как еще раз хлопнула дверь дома убитой, и, обернувшись, увидела, что Джейн идет за ней.

– Чего она от тебя хочет? – спросила Джейн.

– Она умирает от рака. Чего, по-твоему, она может хотеть? Может, немного сочувствия?

– Она морочит тебе голову. Знает, как на тебя повлиять. Ты посмотри, как она изуродовала своего сына.

– Ты думаешь, мне грозит опасность стать такой, как он?

– Нет, конечно. Но ты сама как-то раз это сказала. Что ты родилась с той же тьмой внутри, которая присуща всем членам семейства Лэнк. Она как-нибудь исхитрится использовать это к своей выгоде.

Маура отперла свой «лексус»:

– У меня и так проблем выше крыши, не хочу выслушивать твои лекции.

– Хорошо, хорошо. – Джейн подняла обе руки, показывая, что сдается. – Я просто переживаю за тебя. Обычно ты такая умная. Пожалуйста, не сделай какой-нибудь глупости.

Маура проводила взглядом Джейн, которая отправилась назад на место преступления – в спальню, где в трупном окоченении лежала мертвая женщина. Женщина без глаз.

Вдруг Маура вспомнила слова Амальтеи: «Скоро ты найдешь еще одну».

Она развернулась и быстро обшарила глазами улицу – оглядела все двери, все окна. Не за ней ли наблюдает чье-то лицо со второго этажа? Там, в проулке, кажется, кто-то двигается? Куда бы она ни посмотрела, ей всюду мерещились зловещие силуэты. Об этом ее и предупреждала Джейн. В этом-то как раз и состояла сила Амальтеи: она чуть отодвигала занавес, чтобы человек увидел жуткий ландшафт, где на всем лежат тени.

Мауру пробрала дрожь. Она села в машину, завела двигатель. Из вентилятора обогревателя хлынула струя ледяного воздуха. Пришло время возвращаться домой.

Время бежать из тьмы.

Из кофейни, где я сижу, я наблюдаю за двумя женщинами, которые разговаривают прямо за окном. Я узнаю их обеих, потому что видела, как они давали интервью по телевизору, и читала о них в колонках новостей. Обычно в связи с убийствами. Одна из них, та, что с непокорными черными волосами, – детектив из отдела по расследованию убийств, а высокая женщина в изящном длинном пальто – медицинский эксперт. Я не слышу, о чем они говорят, но могу читать их телесный язык. Женщина-полицейский агрессивно жестикулирует, доктор старается отступить.

Наконец детектив резко отворачивается и шагает прочь. Доктор стоит неподвижно несколько секунд, словно решая, не пойти ли ей за детективом. Потом, приняв решение, качает головой, садится в свой черный, лощеный «лексус» и уезжает.

Интересно, что все это такое было?

Я уже знаю, что привело их сюда в этот холодный вечер. Час назад я услышала новость: на Утика-стрит убита молодая женщина. На той самой улице, где живет Кассандра Койл.

Я всматриваюсь в начало Утика-стрит, но ничего не вижу, кроме мигающих маячков полицейских машин. Неужели Кассандра сейчас лежит мертвая? Или не повезло другой женщине? Я не видела Касси со школы и теперь, наверное, даже не узнаю ее. И уж конечно, она не узнает новую меня – Холли, которая не сгибается и смотрит тебе в глаза, которая больше не прячется по углам, завидуя золотым девочкам. Годы отшлифовали мою уверенность и мой вкус. Мои черные волосы теперь коротко подстрижены, я научилась ходить на гвоздиках, на мне блузка за двести долларов, ловко купленная мной со скидкой в семьдесят пять процентов. Если ты работаешь рекламным агентом, то знаешь, какую важную роль играет внешность, поэтому я приспособилась.

– Что там происходит, вы не знаете? – раздается чей-то голос.

Рядом со мной неожиданно материализуется человек, и я вздрагиваю от удивления. Обычно я чувствую всех, кто находится близ меня, но сейчас я

следила за полицейской активностью на улице и не заметила, как он подошел. «Крутой парень» – вот первое, что думаю я, когда вижу его. Он немного старше меня – ему лет тридцать пять, он спортивного сложения, у него голубые глаза и пшеничного цвета волосы. Я делаю кое-какие выводы, потому что он пьет кофе с молоком, а в такое время настоящие мужчины пьют эспрессо. Но я готова простить ему этот недостаток ради голубых глаз. Сейчас они смотрят не на меня, а на то, что происходит за окном. На все служебные машины, заполонившие улицу, на которой живет Кассандра Койл.

Или жила.

– Столько полиции, – говорит он. – Что там случилось?

– Что-то нехорошее.

Он показывает рукой:

– Смотрите, это фургон Шестого канала.

Мы оба несколько секунд потягиваем кофе и наблюдаем за происходящим на улице. Подъезжает еще один телевизионный фургон, и еще несколько посетителей кофейни устремляются к окну. Я чувствую, как они толкаются вокруг меня, выгадывают себе место получше. Вида обычной полицейской машины недостаточно для того, чтобы привлечь пресыщенных бостонцев, но если появляются телевизионщики, то наши уши на макушке, потому что тогда мы знаем: тут тебе не поцарапанный бампер и не неправильная парковка. Случилось что-то достойное сюжета в новостях.

И, словно чтобы подтвердить наши подозрения, появляется белый фургон из офиса коронера. Стоило мне увидеть эту машину, как пульс у меня подскочил до космической скорости. «Пусть не Кассандра, – думаю я. – Пусть кто-нибудь другой, кого я не знаю».

– Ого, машина из офиса коронера, – говорит голубоглазый. – Значит, дело плохо.

– Никто не видел, что там случилось? – спрашивает какая-то женщина.

– Много полиции собралось.

– Никто не слышал стрельбы или чего-нибудь такого?

– Вы первая сюда пришли, – говорит мне голубоглазый. – Что вы видели?

Все глядят в мою сторону.

– Когда я вошла, полицейские машины там уже стояли. Наверное, они здесь давно.

Остальные смотрят стоя, загипнотизированные мигающими огнями. Голубоглазый усаживается на табурет рядом со мной и кладет сахар в свой неподобающий для этого часа кофе с молоком. Я не знаю, почему он выбрал это место: то ли хочет иметь панорамный вид происходящего снаружи, то ли пытается завязать знакомство. Против второго я не стану возражать. Да что говорить, я ощущаю электрическое пощипывание в бедрах – мое тело автоматически реагирует на его близость. Я пришла сюда не в поисках общества, однако с тех пор, как я замечала интимное внимание мужчин, минуло уже некоторое время. Больше месяца, если не считать быстрого перепихона вручную на прошлой неделе с коридорным из отеля «Колоннада».

– Ну. Так вы живете где-то поблизости? – спрашивает он.

Многообещающее начало, хотя и без воображения.

– Нет. А вы?

– Я живу в Бэк-Бее. Должен был встретиться с друзьями в итальянском ресторане здесь неподалеку, но пришел слишком рано. Вот решил выпить кофе.

– Я живу в Норт-Энде. Тоже пришла сюда встретиться с друзьями, но они в последнюю минуту отменили встречу.

Ложь легко слетает с моих уст, а у голубоглазого нет никаких оснований не доверять мне. Большинство людей автоматически допускают, что ты говоришь им правду, и это здорово облегчает жизнь для таких, как я. Я протягиваю руку

для пожатия – этот жест выбивает мужчин из колеи, если руку предлагает женщина, но я хочу сразу же расставить точки над «i». Пусть знает, что это встреча равных.

Какое-то время мы сидим в дружелюбном молчании, прихлебываем кофе, наблюдаем за происходящим. Наблюдать за действиями полицейских обычно неинтересно. Видишь только, как приезжают и уезжают машины, как люди в форме входят и выходят. А что происходит внутри – этого ты не знаешь, можешь только догадываться, что там за ситуация, основываясь на том, какой персонал приезжает. На лицах копов спокойствие, даже скука. Что бы ни случилось на Утика-стрит, это было несколько часов назад, и следователи просто собирают частички пазла.

Наблюдать тут особо не за чем, и остальные посетители расходятся, а мы с голубоглазым остаемся вдвоем за столиком у окна.

– Пожалуй, нужно в новостях посмотреть, что случилось, – говорит он.

– Убийство.

– Откуда вы знаете?

– Несколько минут назад я видела следователя из отдела убийств.

– Он что, подошел и представился?

– Это она. Имени не помню, но я видела ее по телевизору. Мне любопытно то, что она женщина. Вот все думаю, почему она выбрала такую работу.

Он внимательнее присматривается ко мне:

– Вам, э-э, интересны подобные вещи? Убийства?

– Нет. Просто я хорошо запоминаю лица. А вот с именами у меня паршиво.

– Если уж мы заговорили об именах, меня зовут Эверетт. – Он улыбается, и у его глаз появляются очаровательные морщинки. – Теперь можете его забыть.

– А если не забуду?

– Надеюсь, это означает, что я кажусь вам запоминающимся.

Я прикидываю, что может произойти между нами. Глядя ему в глаза, внезапно понимаю со всей отчетливостью, чего мне хочется: чтобы мы поехали к нему домой в Бэк-Бей, запили кофе несколькими бокалами вина, а потом спаривались всю ночь, как кролики. Жаль, что у него встреча с друзьями. Мне вовсе не хочется встречаться с его друзьями, и я не собираюсь тратить время, дожидаясь его телефонного звонка, а значит, наш вариант – это «здрасьте и до свидания». Некоторым вещам просто не суждено произойти, как бы ты ни хотела.

Я допиваю кофе и поднимаюсь:

– Рада была познакомиться, Эверетт.

– А-а, вы запомнили мое имя.

– Надеюсь, вы приятно проведете время с друзьями.

– А если я не хочу проводить с ними время?

– Разве вы не для этого сюда приехали?

– Планы могут меняться. Я могу позвонить друзьям и сказать, что у меня образовались срочные дела в другом месте.

– И где это место?

Он тоже встает, и теперь мы смотрим в глаза друг другу. Пощипывание в ногах теплыми, приятными волнами переходит в область таза, и я тут же забываю о Кассандре и о том, что может означать ее смерть. Все мое внимание сосредоточивается на этом человеке и на том, что вскоре произойдет между нами.

– У меня или у тебя? – спрашивает он.

У Амбер Вурхис были светлые волосы с фиолетовыми прядями и полированные черные ногти, но больше всего Джейн выбивало из колеи колечко в носу. Когда Амбер плакала, с золотого колечка стекали слезы, и она постоянно промокала их осторожными движениями. Ее коллеги Трэвис Чан и Бен Фарни не плакали, но известие о смерти Кассандры Койл огорошило и расстроило их не меньше, чем Амбер. На всех троих кинематографистах были футболки, куртки с капюшонами и драные джинсы – униформа молодых хипстеров. Судя по виду, никто из них за последнюю неделю ни разу не причесывался. А поскольку в студии пахло как в раздевалке, душем они тоже не злоупотребляли. На всех горизонтальных поверхностях в комнате валялись коробки от пиццы, пустые банки от «Ред Булла» и разрозненные листы сценария. На мониторе шла сцена из их текущей работы: блондинка-подросток, рыдая и спотыкаясь, бежала по темному лесу, спасаясь от безжалостного мрачного убийцы.

Трэвис резко повернулся к компьютеру и остановил видео. Изображение убийцы замерло на экране – зловещая тень в обрамлении деревьев.

– Ё-мое, – застонал он. – Не могу поверить. Просто не могу поверить.

Амбер обняла Трэвиса, и молодой человек зарыдал. Затем к ним присоединился Бен, и троица несколько секунд простояла, вцепившись друг в друга; их тройственное объятие подсвечивалось сиянием монитора.

Джейн посмотрела на Фроста и увидела, что он смаргивает слезу. Скорбь заразна, и Фрост не имел к ней иммунитета даже после многолетнего опыта принесения дурных новостей, от которых люди падали в обморок. Копы напоминали террористов. Они забрасывали разрушительные бомбы в жизнь друзей и родственников убитых, а потом стояли и оценивали размер нанесенного ущерба.

Трэвис первым разорвал объятие. Подошел к продавленному дивану, опустился на подушки и уронил голову на руки:

– Боже мой, только вчера она была здесь. Сидела вот на этом месте.

– Я знала, что она не просто так перестала отвечать на мои эсэмэски, – сказала Амбер, шмыгнув носом. – Когда она замолчала, я подумала, что она нервничает из-за отца.

– А когда она перестала отвечать? – спросила Джейн. – Вы можете проверить по телефону?

Амбер поискала среди разбросанных листов сценария и наконец нашла свой сотовый. Прокрутила послания.

– Вот. Я отправила ей вчера около двух ночи. Она не ответила.

– Вы предполагали, что она ответит в два часа ночи?

– Да, конечно. На этой стадии проекта.

– Мы работали без остановок по ночам, – сказал Бен. Он тоже опустился на диван и потер лицо. – Никто из нас не ходил домой, спали прямо здесь. – Он кивнул на спальные мешки, сваленные в углу.

– Вы все втроем спали здесь?

Бен снова кивнул:

– У нас к виску приставлен пистолет – срок сдачи. Касси тоже работала бы с нами, но ей нужно было собраться с духом перед встречей с отцом. Она к этому ничуть не стремилась.

– И когда она ушла отсюда вчера? – поинтересовалась Джейн.

– Около шести, наверно? – спросил Бен у коллег, и те кивнули.

– Только-только пиццу принесли, – уточнила Амбер. – Касси не стала есть. Сказала, сама что-нибудь приготовит, и мы втроем остались работать. – Она

провела рукой по глазам, оставив на щеке разводы туши. – Не могу поверить, что мы Касси больше не увидим. Перед уходом она пообещала устроить вечеринку, после того как сдадим картинку.

– Картинку? – переспросил Фрост.

– Ну, это когда все смонтировано, – пояснил Бен. – Практически готовый фильм, но без звуковых эффектов и музыки. Мы уже почти закончили, нужна еще неделя или две.

– Плюс двадцать тысяч, – пробормотал Трэвис. Он поднял голову, его черные сальные волосы торчали в разные стороны. – Не знаю, где мы их найдем без Касси.

Джейн нахмурилась:

– Кассандра должна была принести эти деньги?

Три молодых кинематографиста переглянулись, словно решая, кому отвечать на вопрос.

– Она собиралась сегодня за ланчем попросить деньги у отца, – сказала Амбер. – Поэтому она и была в дурном настроении. Ненавидела выпрашивать у него деньги. В особенности за ланчем в «Фор сизонс».

Джейн осмотрела комнату, отметив взглядом грязный ковер, просиженный диван и свернутые спальные мешки. Этим ребятам было почти по тридцать, но они казались гораздо моложе – одержимые кино подростки, которые все еще продолжают жить как в общежитии.

– А вы, ребята, вообще, зарабатываете на жизнь своей работой? – спросила она.

– На жизнь? – Трэвис пожал плечами, словно услышал неуместный вопрос. – Мы делаем кино, вот что важно. Мы живем мечтой.

– На деньги отца Кассандры.

– Это не подарок. Он вкладывает деньги в карьеру дочери. Эта картина могла бы сделать ее известным кинематографистом, а сюжет значил многое для нее лично.

Джейн кивнула на лежащий на столе сценарий:

– «Мистер Обезьяна»?

– Не судите по названию или по тому факту, что это фильм ужасов. Это серьезный проект о пропавшей девочке. Основан на действительном событии из ее детства, и его аудитория будет гораздо больше, чем у нашего первого фильма.

– Этот первый фильм случайно не «Я тебя вижу»? – спросил Фрост.

Трэвис посмотрел на Фроста:

– Вы его видели?

– Мы видели постер к нему в квартире у Кассандры.

– Это... – Амбер проглотила комок в горле. – Это там, где вы ее нашли?

– Где ее нашел отец.

Амбер пробрала дрожь, и она обхватила себя руками, словно ей вдруг стало холодно.

– Как это случилось? – прошептала она. – Кто-то вломился в ее квартиру?

Джейн не ответила на ее вопрос, а задала свой:

– Где вы провели последние двадцать четыре часа?

Они переглянулись, снова решая, кто будет говорить первым.

Заговорил Трэвис, взвешивая каждое слово:

– Мы были здесь, в этом здании. Все трое. Всю ночь и весь день.

Двое других согласно кивнули.

– Я знаю, почему вы задаете эти вопросы, детектив, – сказал Трэвис. – У вас работа такая. Но мы знаем Касси со времени учебы в Нью-Йоркском университете. Когда делаешь вместе кино, то образуются такие тесные связи – ничто не идет в сравнение. Мы едим, спим и работаем вместе. Да, мы иногда спорим, но потом миримся, потому что мы семья. – Он показал на экран компьютера, где все еще оставалось замершее изображение убийцы. – Этой лентой мы собирались совершить прорыв, доказать миру, что вовсе не нужно целовать задницу какому-нибудь руководителю студии, чтобы сделать великое кино.

– Вы можете нам сказать, какие у кого были роли в работе над «Мистером Обезьяной»? – спросил Фрост, добросовестно записывавший все в свой потрепанный блокнот.

– Я режиссер, – сказал Трэвис.

– Я оператор, – подхватил Бенджамин. – Известный также как оператор-постановщик.

– Я продюсер, – сказала Амбер. – Я нанимаю и увольняю, выписываю деньги, поддерживаю эту машину на ходу. – Она помолчала и произнесла со вздохом: – Вообще, делаю почти все.

– А роль Кассандры?

– Она автор сценария. И исполнительный продюсер, а это самая важная работа из всех, – подчеркнул Трэвис. – Финансирование производства.

– На деньги отца.

– Да, но нам нужно совсем немного. Еще один чек – вот все, что она собиралась попросить у него.

Чек, который они, вероятно, никогда не увидят.

Амбер села на диван рядом с Беном, и все трое погрузились в молчание. Сама комната, казалось, издавала запах прокисшей еды и провала.

Джейн посмотрела на постер фильма, висящий на стене над диваном. Тот же постер, что и в квартире Кассандры: «Я тебя вижу».

– Этот фильм... – начала она, показывая на жуткое изображение красного глаза, глядящего из темноты. – Расскажите мне о нем.

– Это была наша первая художественная лента, – сказал Трэвис и угрюмо добавил: – И надеюсь, не последняя.

– Вы все четверо работали над ним?

– Да. Это началось как курсовая работа в университете. Мы многому научились, делая ее. – Он грустно покачал головой. – Но и ошибок наделали немало.

– И как прошел прокат? – спросил Фрост.

Молчание было мучительным. И говорящим.

– Мы так и не смогли заключить прокатный контракт, – признал Трэвис.

– То есть фильма никто не видел?

– Нет, его показывали на нескольких фестивалях фильмов ужасов. Вроде этого... – Трэвис распахнул куртку и продемонстрировал футболку с надписью «КИНОФЕСТИВАЛЬ ЖУТЬФЕСТ». – Еще он есть на дивиди. Мы даже слышали, что он стал чем-то вроде культовой классики, а это лучшее, что может случиться с фильмом ужасов.

– А деньги какие-то он принес? – спросила Джейн.

– Понимаете, дело не в этом.

– А в чем же?

– Теперь у нас есть поклонники. Люди, которые знают о нашей работе! В бизнесе авторского кино, чтобы создать зрителей для твоего будущего проекта, иногда достаточно просто слухов.

– Значит, денег вы не заработали.

Трэвис вздохнул и опустил глаза на грязный ковер.

– Нет, – признался он.

Взгляд Джейн вернулся к чудовищному глазу на постере.

– Что происходит в этом фильме? О чем он?

– О девочке, которая становится свидетельницей убийства, но полиция не может найти ни тела, ни улики. И они ей не верят. Но это потому, что убийство еще не случилось. Она телепатически связана с убийцей и видит, что он собирается сделать.

Джейн и Фрост переглянулись. «Жаль, что у нас нет такого преимущества. Мы бы раскрывали дела за считанные секунды».

– Смею предположить, что убийца в конце концов приходит за ней, – сказала Джейн.

– Конечно, – ответил Бен. – Это прямо как из «Энциклопедии ужасов»[3 -

Horror Movies: You Must See Before You Die» («Сто один фильм ужасов, который вы должны посмотреть, прежде чем умрете»)]. В конечном счете убийца просто обязан прийти за героиней.

– В этом кинофильме кто-нибудь получает увечья?

– Ну да. Это тоже одно из правил фильма ужасов. Прямо как из...

– Да-да. Из «Энциклопедии ужасов». И какого рода увечье?

– Отрубают несколько пальцев. У девушки на лбу вырезают число 666.

– Не забудь про ухо, – напомнила Амбер.

– О, верно. У одного парня отрезают ухо, как у Ван Гога.

«Вы, ребята, больные».

– А глаза? – спросил Фрост. – Ни у кого из персонажей не вырезают глаза?

Кинематографисты посмотрели друг на друга.

– Нет, – ответил Трэвис. – А почему вы спрашиваете про глаза?

– Из-за названия. Фильм называется «Я тебя вижу».

– Но вы спросили конкретно, не вырезают ли глаза. Почему? Неужели что-то такое случилось с... – Трэвис замолчал, гримаса ужаса вдруг исказила его лицо.

Амбер прижала ладонь ко рту:

– О боже. Это то, что случилось с Кассандрой?

Джейн не ответила и перешла к следующему вопросу.

– Сколько зрителей видело ваш фильм? – Она опять показала на постер.

Несколько секунд все молчали, ошарашенные только что услышанным. В их мире вся кровь была подделкой, а конечности – резиновым реквизитом,

настоящее мультяшное насилие. «Добро пожаловать в мой мир. Реальный мир».

– Так сколько? – повторила Джейн.

– Вообще-то, мы толком и не знаем, – признался Трэвис. – Мы продали несколько дивиди. Получили около тысячи долларов от загрузок видео. Кроме того, мы показывали его на тех кинофестивалях.

– Назовите приблизительную цифру.

– Ну, может быть, несколько тысяч. Мы понятия не имеем, кто они. Зрители фильмов ужасов есть во всем мире, так что и жить они могут повсюду.

– Вы думаете, ее мог убить кто-то из тех, кто видел наше кино? – спросила Амбер. – Слушайте, это же чушь! Любители таких фильмов могут выглядеть пугающе, но на самом деле они очень милые и воспитанные люди. – Она показала на экран компьютера, на котором замер силуэт убийцы. – Фильмы вроде «Мистера Обезьяны» – они о том, как помочь побороть страх, преодолеть нашу внутреннюю агрессию. Это целебные фильмы. – Она покачала головой. – Плохие люди не смотрят фильмы ужасов.

– Знаете, что смотрят настоящие уроды? – вмешался в разговор Бен. – Романтические комедии.

Трэвис открыл ящик стола, вытащил компакт-диск и протянул Джейн:

– «Я тебя вижу». Это вам подарок, детектив.

– А фильм, над которым вы работаете сейчас? У вас есть копия «Мистера Обезьяны»?

– К сожалению, мы пока монтируем, так что фильм не готов к просмотру. Но посмотрите «Я тебя вижу» и скажите нам, что вы думаете. И если вам нужно что-то еще, мы готовы помочь.

– Если это и в самом деле имеет какое-то отношение к «Я тебя вижу», то не стоит ли нам всем начать беспокоиться? – спросила Амбер. – Не придет ли

убийца и к нам?

Наступила долгая пауза, пока трое киношников взвешивали такую вероятность.

А потом раздался тихий голос Трэвиса:

– Это как в «Энциклопедии ужасов».

6

Напичканный лекарствами пациент на больничной койке ничуть не походил на человека, которого Джейн допрашивала всего несколько часов назад. Перед ней была некая сдувшаяся версия Мэтью Койла, седая и сморщенная, с отвисшей нижней челюстью. По контрасту с этим бесцветным призраком женщина, сидевшая у его постели, являла собой поразительный всплеск красок: огненно-рыжие волосы, изумрудного цвета блузка, ярко-красная помада. Хотя Присцилле Койл было пятьдесят восемь лет, почти столько же, сколько и Мэтью, но казалось, будто она по крайней мере на десять лет моложе: кожа отшлифована и накачана ботоксом, тело как у спортсменки. Рядом с болезненным мужем она казалась воплощением жизненной силы, а судя по модному платью и высоким каблукам, бдение у его кровати не входило в ее планы на этот вечер.

Присцилла посмотрела на часы и сказала Джейн и Фросту:

– Чтобы поговорить с ним, вам придется прийти завтра. Он был так взбудоражен, что врачам пришлось вколоть ему успокоительное, и теперь он, вероятно, будет спать до самого утра.

– Вообще-то, мы пришли поговорить с вами, миссис Койл, – сказала Джейн.

– Зачем? Мне совершенно нечего вам сказать. Я провела весь день на заседании совета директоров Музея Изабеллы Гарднер[4 -

]. Я понятия не имела о случившемся, пока мне не позвонили из больницы и не сообщили, что Мэтью у них.

– Мы можем выйти из палаты? Тут есть комната для посетителей, где мы могли бы поговорить.

– Мне бы поскорее домой. Стольких людей нужно известить.

– Это не займет много времени, – заверил ее Фрост. – Мы только уточним кое-какие детали, выясним, что когда произошло.

Мэтью Койла поместили в VIP-отделение больницы «Пилгрим», где в комнате для посетителей имелся огромный телевизор, мебель, обтянутая кожей, и заправленная кофемашина «Кьюриг». Присцилла устроилась на диване, поставив рядом с собой сумочку крокодиловой кожи «Прада» и небрежно бросив пальто «Кучинелли» на подлокотник. Джейн как-то раз пробежалась взглядом по ценникам на изделиях «Кучинелли», и теперь она знала, сколько стоит такое кашемировое пальто. Если у нее когда-нибудь появится подобное пальто, она запрет его в банковском сейфе, а не будет швырять на подлокотники, как Присцилла.

Фрост подтащил стул и уселся напротив Присциллы:

– Расскажите нам, что случилось, миссис Койл.

Хотя вопрос был простой, без всякой подковырки, Присцилла, прежде чем ответить, надолго задумалась.

– Мэтью собирался встретиться с Кассандрой за ланчем в «Фор сизонс». Она не появилась в ресторане, и он позвонил мне и спросил, не давала ли она о себе знать. Нет, не давала. А несколько часов спустя мне позвонили из больницы, что он поступил с инфарктом.

– Они часто встречались за ланчем?

– Да почти никогда. Касси всегда занята, ей даже недосуг... – Она оборвала себя и после паузы начала заново: – У нее своя жизнь, так что мы ее редко видим. Но

сегодня случай особый.

– Ваш муж сказал нам, что предполагался ланч по случаю ее дня рождения.

Присцилла кивнула:

– Вообще-то, день рождения у нее тринадцатого декабря, но нас не было в городе. Вот они и решили отпраздновать сегодня.

– И вы не собирались к ним присоединиться?

– Меня ждали на совете директоров, и я не думала...

Присцилла замолчала, опустила глаза и принялась что-то искать в сумочке. Но Джейн заинтересовало то, что не было сказано. Иногда в молчании больше смысла, чем в словах.

– Какие у вас были отношения с дочерью? – спросила Джейн.

– Собственно говоря, Кассандра мне не дочь, а падчерица. – Она пожала плечами. – Мы не были особенно близки.

– Вы с ней конфликтовали?

Присцилла отвела взгляд:

– Буду с вами откровенна. Мэтью развелся с матерью Кассандры, чтобы жениться на мне. Так что напряженность в наших отношениях – вещь понятная. Касси мне этого так и не забыла, хотя брак ее родителей практически разрушился задолго до того, как у нас с Мэтью начались какие-то отношения. Прошло девятнадцать лет, а я все еще другая женщина, хотя на мои деньги она училась в университете в Нью-Йорке, на мои деньги финансировались ее нелепые...

Присцилла оборвала себя и снова уставилась в свою сумочку крокодиловой кожи – сумочку, точно символизировавшую то, что она привнесла в их брак. Мэтью Койл оставил первую жену ради женщины, привыкшей к «Прада» и

«Кучинелли», а подобное финансовое неравенство может подорвать любые отношения.

– Вы не знаете никого, кто мог бы желать зла Кассандре? – спросила Джейн. – Какой-нибудь отставной бойфренд, враги?

«Не считая тебя».

– Мне такие не известны. Но я с ней за ручку не ходила. Когда мы с Мэтью поженились, Кассандра осталась с матерью в Бруклайне.

– А где ее мать сейчас? Нам нужно поговорить с ней.

– Элейн в Лондоне, гостит у друзей. Она прилетит послезавтра. По крайней мере, так она написала по электронной почте.

– Вы сообщили ей о Кассандре?

– Ну, кто-то должен был сообщить.

Джейн представила получение подобного письма: «Ваша дочь убита». Как же, вероятно, сильна была ненависть между этими двумя женщинами, если известие о смерти дочери было переслано несколькими хладнокровными прикосновениями к смартфону.

– Даже не знаю, что еще могу вам сообщить, – сказала Присцилла.

– Вы знакомы с какими-нибудь друзьями Кассандры?

Присцилла поморщилась:

– Я видела трех ребяташек, с которыми она работает.

– Ребяташек?

– Они четыре года как окончили колледж, а вид у них такой, будто они спят не раздеваясь. Думаете, у них есть работа? Как бы не так. Понятия не имею, как они кормятся с этих своих фильмов.

– Вы, случайно, не видели первый фильм Кассандры?

– «Я тебя вижу». Минут пятнадцать я выдержала, на большее не хватило. – Присцилла кинула взгляд в сторону палаты, где лежал ее муж. – Мэтью досмотрел эту дрянь до конца. Уговорил себя, что ему нравится. А что еще ему оставалось? Он хотел, чтобы его маленькая девочка была счастлива. Сколько лет прошло, а он все еще пытается загладить свою вину перед ней. И Касси рада была брать все, что ей предлагали. Квартиру без арендной платы. Бесплатную студию. Но мне кажется, она так его и не простила.

– Они ладили? Ваш муж и Кассандра?

– Конечно.

– Но вы говорите, что Кассандра так его и не простила. Они не ссорились? Может, из-за денег?

– Разве все дети не ссорятся с родителями из-за денег?

– Ну, иногда такие ссоры выходят из берегов.

Присцилла пожала плечами:

– Были всякие разногласия. Я уверена, что сегодня за ланчем обязательно зашел бы разговор о деньгах. Кассандра намекала, что ей не хватает средств, чтобы закончить ее новый фильм. Еще одна причина, по которой я не хотела там присутствовать. – Она помолчала. – Почему вы спрашиваете про Мэтью? Не можете же вы думать, что он имеет к этому какое-то отношение.

– Это рутинные вопросы, мадам, – ответил Фрост. – Мы всегда должны начинать с семьи.

– Он же ее отец. Неужели у вас нет настоящих подозреваемых?

– А вы таких знаете, миссис Койл?

Присцилла задумалась:

– Касси была хорошенькой, а хорошенькие девушки привлекают внимание. Если мужчина положил на вас глаз, вы не знаете, к чему это может привести. Может, у него появится идея фикс. Может, он последует за вами домой и... Мы все знаем, что может случиться с женщиной.

Джейн, конечно, знала. Она видела свидетельства этому в морге, в искалеченных телах и хорошеньких личиках, исполосованных отвергнутыми ухажерами. Она подумала о пустых глазных впадинах, где прежде находились глаза, которые, вероятно, видели убийцу. Может быть, Кассандра посмотрела на него с презрением или отвращением? Не поэтому ли он почувствовал потребность выскрести эти глаза, чтобы они больше никогда не смотрели на него?

Присцилла потянулась за пальто:

– Мне нужно домой. Какой ужасный день.

– Последний вопрос, прежде чем вы уйдете, миссис Койл, – сказала Джейн.

– Да?

– Где вы были с мужем вчера вечером?

– Вчера вечером? – переспросила Присцилла. – А что?

– Опять же, это рутинный вопрос.

Присцилла сжала губы:

– Хорошо. Если вы считаете нужным задать его, я буду счастлива ответить. Вчера вечером мы с Мэтью были дома. Я готовила обед. Лосось и брокколи, если для вас это важно. А потом мы смотрели фильм по телевизору.

– Какой фильм?

– Да бога ради! Какой-то старый фильм по каналу «Тёрнер классикс».
«Вторжение похитителей тел»[5 - «Вторжение похитителей тел» – научно-фантастический фильм, снятый режиссером Доном Сигелом в 1956 г. по роману Джека Финнея.].

– А после этого?

– А после этого мы пошли спать.

* * *

– Ты видела «Вторжение похитителей тел»? – спросил Фрост, когда они с Джейн сидели в кафетерии больницы, поедая сэндвичи.

В такой поздний час в автомате оставался только салат из тунца, ветчина и сыр. Сэндвич с тунцом пропитался влагой, но поскольку обед они пропустили, то были рады хоть чему-то.

– Кажется, фильм по этому сюжету снимали раз шесть? – спросила Джейн.

– Я не говорю о ремейках. Я имею в виду классическую черно-белую версию с Кевином Маккарти.

– Черно-белую? Ну, это типа когда нас еще не было?

– Да. Но это фильм на все времена. Элис называет его идеальной метафорой отчуждения. Она говорит, что, если кто-то трансформируется в человека-стручка[6 -

растений, они попадают в землю и вырастают в большие стручки, и каждый из них способен превратиться в копию того или иного человека, лишенную, однако, всяких человеческих эмоций.], как в фильме, это все равно как если бы чей-то муж или жена обратились в незнакомца, человека, который больше тебя не

любит. И поэтому фильм куда сильнее, чем обычный ужастик: страх поражает тебя на глубинном психологическом уровне.

– Пой, с каких это пор ты снова заговорил об Элис?

– С... не знаю. Несколько недель. Вчера мы вместе с ней смотрели «Похитителей тел». Его показывали в девять часов, так что Присцилла Койл говорила правду, когда сказала, что она с мужем смотрела этот фильм.

– Ты провел ночь с Элис?

– Мы пообедали вместе, посидели перед телевизором, а потом я пошел домой.

– Напомни мне. Ваш развод стал окончательным сколько месяцев назад?

– Это не значит, что мы соединяемся.

Джейн вздохнула и положила свой влажный сэндвич с тунцом. Ну почему в последнее время все небезразличные ей люди принимают такие плохие личные решения? Сначала Маура отправляется к этой психопатке Амальтее Лэнк. А теперь вот Фрост, о котором она всегда думала как о младшем брате, опять затевает роман со своей бывшей женой. Она помнила его полуночные слезливые звонки, после того как Элис ушла от него к соученику по юридическому колледжу, помнила ночи, когда она мучительно размышляла, не отобрать ли у него табельное оружие, чтобы он чего не выкинул. Помнила и последующие месяцы, его бесконечные скорбные сообщения о неудачных встречах с женщинами, которые неизменно оказывались недостаточно красивыми или недостаточно блестящими, чтобы заменить эту суку Элис. Джейн видела, что трагический цикл повторяется: радость и разбитое сердце, радость и разбитое сердце. Фрост заслуживал лучшей доли.

Настало время для сурового урока.

– Уж поскольку вы снова общаетесь, Элис не говорила тебе, как поживает ее бойфренд? Тот, с которым она познакомилась в колледже?

– Она окончила колледж и получила степень.

- Тем легче ей ставить тебя раком в суде.
- Она меня не ставила раком. Мы разошлись цивилизованно.
- Вероятно, потому, что она чувствовала себя виноватой, трахаясь с этим юридическим студентом. Прошу тебя, скажи мне, что ты будешь благоразумен.

Фрост положил сэндвич и тяжело вздохнул:

- Знаешь, жизнь ведь вовсе не черная и белая, как ты, по-видимому, думаешь. Я ведь не просто так женился на Элис. Она умная, она красавица, она забавная...

- И у нее бойфренд.

- Нет, с этим покончено. Он получил работу в Вашингтоне, и они разорвали отношения.

- Ага. Так вот почему она прибежала к старому, надежному тебе.

- Господи Иисусе, ты не понимаешь, что представляет собой рынок знакомств в наши дни. Это все равно что плыть в море, полном акул. Я побывал на двадцати пяти свиданиях, и все они были сплошным кошмаром. Женщины совсем не такие, как прежде.

- Ну да, у нас теперь клыки.

- И никто не хочет заводить роман с копом. Они все думают, что у нас проблемы с доминированием.

- Ну, у тебя-то точно. Ты позволил Элис доминировать в семье.

- Нет.

- Может, поэтому она снова влезла в твою жизнь, потому что знает: из тебя можно веревки вить. - Джейн подалась вперед, полная решимости спасти Фроста от ошибки, которая разобьет ему сердце. - Ты должен поступить

правильно. Ты такой милый парень, умный. У тебя будет отличная пенсия.

– Прекрати. Ты всегда думаешь, что знаешь лучше. – Фрост, обычно бледный, покраснел от негодования. – И вообще, почему мы говорим об Элис? Мы обсуждали «Похитителей тел».

– Да-да, – вздохнула Джейн. – Кинофильм.

– Так вот, его и в самом деле показывали вчера по телику, как сказала миссис Койл. Значит, она говорит правду. И зачем ей убивать падчерицу?

– Затем, что они ненавидели друг друга?

– Когда ее муж придет в себя, он подтвердит ее алиби.

– Вернемся к Элис. Ты ведь помнишь, сколько боли она тебе причинила? Я не хочу, чтобы это повторилось.

– Все. Мы закончили говорить об этом.

Фрост смял обертку от своего сэндвича и встал. И вдруг его ударила по ушам система громкой связи больницы: «Код синий[7 - «Синий код» – принятое в больницах обозначение клинической смерти или необходимости срочных реанимационных мероприятий.], палата семьсот пятнадцать, код синий, палата семьсот пятнадцать».

Фрост повернулся к Джейн:

– Семьсот пятнадцать? Это не...

«Палата Мэтью Койла».

Она понеслась вслед за Фростом, который первым бросился из кафетерия. «Седьмой этаж. По лестнице слишком высоко». Джейн нажала кнопку лифта. Раз. Другой. Когда двери открылись, она чуть не сбила выходящую из кабины медсестру.

– Я думал, с ним все будет в порядке, – сказал Фрост, пока лифт ехал на седьмой этаж.

– Инфаркт – это всегда серьезно. А мы не закончили его допрос.

Двери открылись, и они увидели, как мимо лифта пронеслась молодая женщина в хирургическом костюме, направляясь к семьсот пятнадцатой палате. Через открытую дверь палаты Джейн не видела пациента, только толпу больничного персонала вокруг кровати, непроницаемую стену хирургических костюмов.

– Вазопрессин не действует, – раздался женский голос.

– Так, еще раз. Двести джоулей.

– Включаю на счет три. Руки всем убрать! Один. Два. Три!

Джейн услышала удар. Шли томительные секунды, все головы были повернуты к кардиомонитору.

– Отлично, есть ритм! Синусовая тахикардия.

– И давление. Девяносто на шестьдесят.

– Извините, – прозвучал голос за спиной у Джейн. – Вы семья пациента?

Джейн повернулась и увидела медсестру, разглядывающую их.

– Мы из бостонской полиции. Этот пациент – свидетель по делу об убийстве.

– Пожалуйста, выйдите из палаты.

– Что случилось? – спросила Джейн.

– Позвольте докторам делать свою работу.

Сестра выпроводила их в коридор, но Джейн успела мельком увидеть голую ногу Мэтью Койла. На фоне белых простыней она казалась пугающе синей и пятнистой. Потом дверь закрылась, и безжизненная нога исчезла из виду.

– Он выкарабкается? – спросил Фрост.

Сестра посмотрела на закрытую дверь и дала единственный возможный ответ:

– Не знаю.

7

Голубоглазый все еще спит, когда я на следующее утро выбираюсь из его кровати. Наши шмотки лежат на полу там, где мы их побросали: моя блузка и его рубашка у двери, мои трусики посреди комнаты, мой бюстгальтер свернулся, как кружевная розовая кобра, у прикроватной тумбочки. Я собираю свою одежду, беру сумочку и на цыпочках ухожу в ванную. Такие ванны типичны для холостяцкой квартиры: строгая черная плитка, душевая кабина из стекла и хрома. Ванны я не вижу – похоже, мужчины не ценят доброго долгого лежания в ванне. Я писаю в новейший унитаз с функцией биде, споласкиваю лицо, чищу зубы над раковиной белого оникса. У меня в сумочке всегда лежит зубная щетка на всякий пожарный случай вроде этого, хотя я не помню, когда в последний раз проводила всю ночь в постели мужчины. Обычно я исчезаю задолго до рассвета. Видимо, устала вчера вечером.

А может, дело в двух бутылках «Риохи», что мы выпили.

В зеркале я вижу последствия этого: припухшие глаза, волосы как у пугала. Я увлажняю свои черные волосы и приглаживаю их в подобие моей обычной короткой стрижки. Пусть я растрепана, но я чувствую себя сытой и абсолютно удовлетворенной, чего со мной не случилось уже давно. Спасибо, голубоглазый.

Я открываю аптечку и изучаю ее содержимое. Лейкопластырь, аспирин, крем от загара, сироп от кашля. Еще два пузырька по рецепту, их я разглядываю внимательнее. Викодин и валиум, оба от боли в спине. Пузырьки двухгодичной

давности, и в каждом около десятка таблеток, – значит боли в спине в последнее время его не беспокоили.

Он и не заметит, если пропадут несколько таблеток.

Я вытряхиваю по четыре таблетки из каждого пузырька. Я не наркоманка, но, если есть такая возможность, почему бы не обзавестись бесплатными фармацевтическими средствами, которые могут оказаться очень кстати в один прекрасный день? У голубоглазого явно нет в них острой потребности. Я закручиваю колпачок с защитой от детей и замечаю имя на одном из пузырьков. «Эверетт Дж. Прескотт». Экое аристократическое имечко, наверняка с длинной родословной. Вчера вечером нам было не до церемонного знакомства. Он о моей фамилии понятия не имеет, и это к лучшему, поскольку велики шансы, что мы больше не встретимся.

Я одеваюсь в ванной и на цыпочках выхожу в спальню, чтобы надеть туфли. Он спит как убитый, выпростав из-под одеяла голую руку. Несколько секунд я восхищаюсь его рельефными мускулами. Это не накачанные бицепсы тех, кто не вылезает из гимнастического зала, а честные мускулы, нажитые реальным трудом. Вчера он сказал мне, что работает ландшафтным архитектором, и я представила, как он возводит каменные стены, таскает мешки с торфом, хотя я и не знаю толком, чем занимаются ландшафтные архитекторы. Жаль, что так никогда и не узнаю.

Мне давно пора уходить. Когда он проснется, я хочу быть далеко. Я всегда поступаю так наутро, потому что не люблю всяких этих натужных «до свидания» и неискренних обещаний новой встречи. Обычно я разрываю всякие связи после одного раза. Вот почему я никогда не привожу мужчин в свою квартиру. Если они не знают, где я живу, то и не постучат в мою дверь.

Но что-то в Эверетте заставляет меня пересмотреть мою стратегию «мужчина на одну ночь». И вовсе не потому, что он был чрезвычайно внимательным любовником, который с удовольствием выполнял все мои капризы, или что он хорош собой, или что он смеется всем моим шуткам. Нет. В нем есть нечто большее: глубина, искренность, какую я редко встречаю в других людях.

А может быть, я просто чувствую хорошо знакомую окситоциновую[8 -

] лихорадку, какая бывает после добротного обстоятельного секса.

На улице я оглядываюсь на таунхаус красного кирпича. Красивое здание и явно историческое в районе, который никогда не будет мне по карману. Эверетт, вероятно, зарабатывает неплохие деньги, и я на мгновение пересматриваю свое решение исчезнуть бесследно. Может, стоило задержаться немного. Может, стоило оставить ему мой номер телефона. Или хотя бы назвать фамилию.

Но потом я думаю о другой стороне медали. Вторжение в мою частную жизнь. Его неминуемые ожидания. Телефонные звонки, все более настойчивые, цепляние, ревность.

Нет. Лучше просто уйти.

Но, уходя, я запоминаю его адрес, так что я всегда буду знать, где его найти. Потому что никогда нельзя знать заранее. В один прекрасный день мужчина вроде Эверетта Прескотта может пригодиться.

8

– Сколько времени они его реанимировали? – спросила Маура, надрезая ребра Кассандры Койл.

Услышав хруст костей, Джейн поморщилась. Маура продолжала трудиться, словно плотник в своей мастерской. Грудная клетка, которая прежде защищала сердце и легкие Кассандры, сейчас представляла собой всего лишь костистую изгородь, не подпускающую к тайнам внутри, и Маура быстро и эффективно убирала этот барьер из ребер и грудины.

– У них ушло минут пятнадцать-двадцать, – сказала Джейн. – Но им удалось запустить его сердце. Утром я звонила в больницу – он все еще жив. Пока.

Маура рассекла очередное ребро, раздался очередной треск кости, и Джейн заметила, что Фрост вздрогнул. Если для Мауры вид и запахи морга были знакомой территорией, то для Фроста, чей деликатный желудок стал притчей во

языцех отдела по расследованию убийств, это помещение всегда будет оставаться ничейной землей. Кассандра Койл была одним из самых свежих тел, с какими им приходилось работать; всего день прошел с того времени, как ее обнаружили, но при комнатной температуре запахи быстро проявляются. До Фроста долетало достаточно ароматов, и он поднес руку к побледневшему лицу, чтобы хоть как-то защититься от вони.

– Согласно статистике, у пациента с остановкой сердца в больнице есть сорок шансов из ста на то, чтобы выкарабкаться. И двадцать шансов на то, чтобы выйти из больницы живым, – сказала Маура деловым тоном, приводя статистические данные и одновременно выпиливая последние несколько ребер. – Он уже пришел в сознание?

– Нет, он все еще в коме.

– Тогда мой прогноз, к сожалению, неблагоприятный. Даже если мистер Койл выживет, он, вероятно, получил аноксическое повреждение мозга.

– То есть он может стать овощем?

– К сожалению, это возможный исход.

Ребра уже были выпилены, и Маура приподняла грудную кость. Фрост отошел подальше от запаха телесных жидкостей, поднимавшегося над рассеченным телом, но Маура только ниже наклонилась над трупом, чтобы получше рассмотреть органы грудной клетки.

– Легкие на вид отечные. Насыщены жидкостью. – Маура взяла скальпель.

– И о чем это нам говорит? – спросил Фрост приглушенным голосом.

– Неспецифическая находка. Отечность может говорить много о чем. – Маура подняла взгляд и сказала помощнику: – Йошима, ты мог бы проверить, отправлены ли жидкости на анализ по содержанию наркотиков и отравляющих веществ?

– Уже, – откликнулся Йошима спокойным, как всегда, голосом человека, знающего свое дело. – Я заказал автоматический иммуноферментный анализ и тонкослойную хроматографию. А еще газ-хроматографию и масс-спектрометрию для количественной оценки. Так что практически все известные наркотики мы выявим.

Засунув руку в грудную клетку, Маура вытащила легкие, с которых капала жидкость.

– Легкие определенно нормальные. Я не вижу очевидных повреждений, всего лишь несколько точечных кровоизлияний. И опять неспецифическая находка. – Она положила отделенное сердце на поднос и пальцами в перчатках прощупала коронарные артерии. – Занятно.

– Эй, ты это над каждым телом говоришь, – сказала Джейн.

– Потому что каждое тело рассказывает свою историю, а это тело не выдает ни одной тайны. Шейное рассечение и рентгенограмма ничего не выявили. Подъязычная кость цела. А посмотри, как чисты коронарные артерии – ни малейших следов тромбоза или омертвления. Это было абсолютно здоровое сердце в теле абсолютно здоровой молодой женщины.

Женщины в хорошей физической форме, явно способной дать отпор, подумала Джейн. Но у Кассандры Койл не было ни сломанных ногтей, ни синяков на руках – ничего, что могло бы указать на сопротивление тому, кто напал на нее.

Маура перешла к брюшине. Она методически извлекла печень, селезенку, поджелудочную железу и кишечник, но более всего ее интересовал желудок. Она подняла его с осторожностью, с какой принимают новорожденного, и положила на поднос. Эта часть аутопсии всегда приводила Джейн в ужас. Последний раз жертва ела не менее двух дней назад, и съеденное должно было превратиться в гниющее рагу из желудочной кислоты и частично переваренной пищи. Как только Маура взялась за скальпель, Джейн и Фрост отступили на несколько шагов. Глаза Фроста над бумажной маской сузились в предчувствии вони.

Но когда Маура вскрыла желудок, оттуда вытекло лишь немного жидкости багрового цвета.

– Вы чувствуете запах? – спросила Маура.

– Я бы предпочла не чувствовать, – сказала Джейн.

– Я думаю, это вино. Судя по темному оттенку, это что-то вроде каберне или зинфанделя.

– Может, и год урожая скажешь? А какая там этикетка? – фыркнула Джейн. – Гадаешь на кофейной гуще, Маура.

Маура осмотрела желудочную полость.

– Я не вижу здесь никакой пищи, а это означает, что перед смертью она не ела как минимум несколько часов. – Маура подняла голову. – В квартире не было открытых бутылок?

– Нет, – ответил Фрост. – Как и грязных бокалов в раковине или на столе.

– Она могла выпить где-то в другом месте, – сказала Джейн. – Думаешь, она встретила с убийцей в баре?

– Это должно было произойти прямо перед тем, как она вернулась домой. Жидкости очень быстро проходят в тонкую кишку, а у нее вино все еще в желудке.

– Она ушла из студии около шести вечера. До ее квартиры всего десять минут ходьбы. Я проверю бары поблизости.

Маура переместила небогатое содержимое желудка в банку для образцов и перешла к голове жертвы. Постояла несколько секунд, глядя на пустые глазницы Кассандры Койл. Энуклеированные глазные яблоки она уже осмотрела, и теперь они лежали в банке с консервантом, словно две карикатурные оливки, плавающие в джине.

– Итак, она заходит куда-то выпить бокал вина, – сказала Джейн, пытаясь зафиксировать хронологию событий. – Приглашает убийцу к себе домой. Или он

сам идет за ней. Но что потом? Как он ее убивает?

Маура не ответила. Вместо ответа она снова взяла скальпель. Начав от одного уха, она надрезала скальп через макушку до другого уха.

«Как легко уничтожить все узнаваемые черты человеческого существа», – подумала Джейн, глядя, как Маура оттягивает скальп вперед одним вялым лоскутом. Хорошенькое лицо Кассандры Койл превратилось в мясистую маску, черные крашенные волосы, упавшие вперед, скрыли его подобно бахромчатому занавесу. Вой осциллирующей пилы пресек все дальнейшие разговоры, и Джейн отвернулась, почувствовав запах костной пыли. Череп хотя бы имел обезличенную природу. Не поймешь, чью черепную коробку распиливают, чей мозг сейчас увидишь.

Маура сняла черепную крышечку, и обнажилась сверкающая поверхность мозгового вещества. Вот то, что делало Кассандру единственным в своем роде человеческим существом. В ее мозгу весом в три фунта хранились все воспоминания, все переживания, всё, что Кассандра знала, чувствовала или любила. Маура осторожно приподняла доли, перерезала нервы и артерии, после чего полностью извлекла мозг из черепного ложа.

– Никаких очевидных кровоизлияний, – сказала она. – Никаких контузий, никаких отеков.

– Значит, он выглядит нормальным? – спросил Фрост.

– По крайней мере, на поверхности. – Маура осторожно опустила мозг в ведро с формалином. – Это молодая женщина со здоровыми на вид сердцем, легкими и мозгом. Она не была задушена. Никаких синяков на теле. Сексуальному насилию не подвергалась. Никаких повреждений, следов инъекций, никаких очевидных травм, если не считать глаз. Но глаза были вырезаны после смерти.

– Так что же с ней случилось? Что ее убило? – спросила Джейн.

Несколько секунд Маура стояла молча, пристально глядя на мозг, погруженный в формалин. Мозг, который не дал ни одного ответа. Она посмотрела на Джейн и ответила:

– Не знаю.

В кармане Джейн зазвонил сотовый. Она сняла перчатки, сунула руку под защитный халат, выудила из кармана телефон и увидела на экране незнакомый номер.

– Детектив Риццоли, – сказала она.

– Прошу прощения, что не мог связаться с вами раньше, – произнес мужской голос. – Но я только что вернулся из Бока-Ратона[9 - Бока-Ратон – популярный курорт во Флориде.] и теперь жалею, что сделал это. Ну и погода тут у вас!

– Кто это?

– Меня зовут Бенни Лима. Ну, бюро путешествий «Лима». Вы оставили мне голосовое сообщение о моей камере видеонаблюдения. О той, что смотрит на Утика-стрит.

– Ваша камера действует?

– Конечно. В прошлом году мы отловили паренька, который бросал камни из окна.

Слово «камера» привлекло внимание Фроста, и он с внезапным интересом прислушался к разговору.

– Нам нужно все, что у вас есть с вечера понедельника, – сказала Джейн. – Вы ничего не стерли?

– Ничего. Оно ждет вас.

Ледяной дождь, сыплющийся с неба, неприятно колот лицо Джейн, когда она с Фростом вышла из машины и быстрым шагом пересекла улицу в направлении офиса бюро путешествий. Они нырнули внутрь, дверь закрылась, и звякнул колокольчик, извещающий об их приходе.

– Эй! – позвала Джейн. – Мистер Лима?

Офис казался пустым. Судя по запыленному пластмассовому филодендрону и выцветшим постерам, рекламирующим круизный отдых, уже очень давно никто не пытался поменять здесь обстановку. Экран стационарного компьютера в режиме скринсейвера демонстрировал соблазнительные фотографии тропических берегов – именно таких мест, где мечтал бы оказаться каждый бостонец в этот серый, ужасный день.

Где-то в глубине помещения послышался звук сливаемой воды, и несколько секунд спустя из коридора появился идущий вразвалочку человек. Не просто человек – на них надвигалась гора плоти с пухлой рукой, протянутой в приветствии.

– Вы из бостонской полиции, да? – Он с энтузиазмом пожал руку Джейн. – Бенни Лима. Я бы раньше ответил на ваш звонок, но, как вам уже говорил, только что вернулся из...

– Бока, – сказала Джейн.

– Да. Летали на похороны моего дядюшки Карло. Большая потеря. Очень. Он там среди пенсионеров был как знаменитость. В общем, я услышал ваше послание в голосовой почте, только когда сегодня утром пришел в офис. Буду рад помочь бостонской полиции всем, чем могу.

– Вы сказали, что у вас есть запись с камеры наблюдения, мистер Лима? – спросил Фрост.

– Да, наша система имеет емкость для записи всего на сорок восемь часов, и если вам нужно то, что происходило в этот период, тогда пожалуйста.

– Нам нужно все, что было записано в понедельник вечером.

– Должно сохраниться. Идемте, я покажу наше устройство.

С убийственной неторопливостью Бенни повел их в заднюю часть офиса, которая была настолько невелика, что едва вместила всех троих. Фрост протиснулся следом за массивной фигурой Бенни и сел за компьютер.

– Нам установили эту систему три года назад, после того как у нас за месяц произошло три взлома. Нет, мы денег тут не держим, но эти сукины дети воровали наши компьютеры. Наконец камера засняла одного из них на месте преступления. Можете себе представить, парнишка жил прямо тут за углом. Маленький говнюк.

Фрост постучал по клавиатуре, и на экране появилось изображение, передаваемое камерой. Она была направлена на начало узкой Утика-стрит, где располагался дом Кассандры Койл. В объектив камеры попадала лишь часть улицы, и картинка не отличалась высоким разрешением, но из всех камер поблизости лишь эта могла зафиксировать всех, кто сворачивал на Утика-стрит или уходил с нее с южного конца. Видео, которое они сейчас просматривали, было снято в светлое время, в кадре присутствовали три пешехода. Судя по временному маркеру, запись была сделана в 10:00 в понедельник, когда Кассандра Койл была еще жива.

– Это самое начало записи, – пояснил Бенни. – Как только я прослушал ваше послание, я нажал «Сохранить», чтобы не стерлось то, что вам нужно.

Фрост кликнул по иконке быстрой перемотки вперед:

– Перенесемся в вечер понедельника.

Бенни посмотрел на Джейн:

– Это связано с девушкой, которую убили здесь на улице? Я видел в новостях по телевизору. Таких вещей в нашем районе раньше не случалось.

– Такие вещи могут случиться в любом районе, – возразила Джейн.

– Но я тут целую вечность. Мой дядюшка открыл это агентство еще в семидесятые, в те времена, когда людям для планирования путешествий требовалась небольшая помощь. Мы бронировали много билетов в Гонконг и на Тайвань. У нас ведь Чайна-таун за углом. А теперь каждый может войти в Интернет и заключить любую самую дурацкую сделку через компьютер. Район тут безопасный, и я не помню у нас ни одного убийства. Ну, то есть если не считать ту стрельбу на Кнапп-стрит. – Он помолчал. – И того парня, что на складе убили. – Еще одна пауза. – О да, было время, когда...

– Вот оно, – перебил его Фрост.

Джейн уставилась на экран, где маркер времени показывал 17:05:

– Видишь что-нибудь?

– Нет пока, – ответил Фрост.

– Как раз в это время я был в Бока-Ратоне, – сказал Бенни. – У меня все квитанции от авиакомпании и все остальное, если хотите взглянуть.

Джейн не хотела. Она подтащила стул к Фросту и села. Просмотр записей с камеры видеонаблюдения представлял собой одну из тех изматывающих душу и мозг обязанностей, которые обещали много часов скуки и редкие впрыски адреналина в случае находки. Три коллеги Кассандры утверждали, что она покинула студию «Крейзи Руби филмз» около шести вечера, проведя целый день за монтажом «Мистера Обезьяны». Из студии до Утика-стрит ходу всего десять минут. Если она повернула на Утика с Бич-стрит, то должна была попасть в объектив камеры.

Так где же она?

Фрост увеличил скорость просмотра видео, и минуты замелькали в два раза быстрее. Машины проносились мимо. Пешеходы появлялись и исчезали дерганой походкой. Никто не сворачивал на Утика-стрит.

– Шесть тридцать, – сказал Фрост.

– Значит, с работы она не пошла прямо домой.

– Или мы ее пропустили, – произнес Бенни так, словно уже стал частью команды. Он стоял за спиной у Джейн и смотрел через ее плечо. – Она могла войти с другой стороны улицы – со стороны Книланд-стрит. Но в этом случае моя камера ее не засекла.

Джейн не хотелось это слышать, но Бенни был прав: Кассандра могла оказаться на Утика вне поля зрения этой или какой-либо другой камеры.

Бенни дышал ей прямо в шею, и его сопение навело Джейн на мысль о зимних вирусных заболеваниях. Она старалась не замечать его, сосредоточиться на видео. Вечер в понедельник стоял холодный, мороз минус девять, и пешеходы быстро проходили мимо камеры, одетые в теплые пальто и обмотанные шарфами. Если Кассандра и есть среди них, то как они ее узнают? Джейн подалась ближе к экрану, наклонился и Бенни, с каждым выдохом увеличивая популяцию микробов на ее шее.

– Мистер Лима, не могли бы вы оказать нам огромную услугу? – спросила она.

– Да, конечно!

– Я заметила тут кофейню поблизости. Мы бы с напарником выпили по стаканчику кофе.

– Вам какой? С молоком? Капучино? У них всякий есть.

Она вытащила из сумочки двадцать долларов и протянула ему:

– Черный с сахаром. Для нас двоих.

– Со всем удовольствием.

Он натянул на себя пуховик, такой объемистый, что Джейн показалось, будто к дверям покатилося кучевое облако.

– Рад услужить бостонской полиции!

«Не спеши возвращаться», – подумала она, услышав, как за ним захлопнулась дверь.

На компьютере маркер времени показывал 20:10, и число пешеходов на улице все сокращалось. К этому времени Кассандра уже должна была добраться до дома – значит, она вошла на Утика с другой стороны. «Черт побери, мы ее потеряли».

– Опаньки! – сказал вдруг Фрост.

Джейн мигом сосредоточилась и перевела взгляд на экран, на котором замер остановленный Фростом кадр.

Две фигуры, слившиеся в один силуэт, попали в объектив камеры в тот момент, когда они сворачивали на Утика. Хотя лиц Джейн не видела, но, судя по росту и ширине плеч, более высокая фигура принадлежала мужчине. Меньшая фигура, казалось, прижималась к большей, ее голова покоилась на его плече. Джейн уставилась на этот двухголовый контур, пытаясь обнаружить какие-нибудь особенности, которые позволили бы идентифицировать этих двоих, но темнота не позволяла толком их разглядеть.

– В Кассандре было пять футов шесть дюймов. Если это она, то рост мужчины не менее шести футов, – сказала она.

– И время восемь пятнадцать, – откликнулся Фрост. – Если она ушла из студии в шесть, то где была все это время? Где встретила этого типа?

Джейн пригляделась к тому, что висело на плече у мужчины: рюкзачок. Она подумала о том, что он мог нести в этом рюкзачке. Латексные перчатки. Хирургические инструменты. Все, что нужно хорошо подготовившемуся убийце, чтобы совершить необычный ритуал над трупом.

От прикосновения Бенни к ее плечу она чуть не подпрыгнула.

– Эй, это всего лишь я! Ваш кофе. – Бенни подал ей стаканчик.

Джейн откинулась на спинку стула, чувствуя, как колотится сердце, и глотнула кофе, такой горячий, что она чуть язык не обожгла. «Успокойся. Не спеши».

– Это он? – спросил Бенни.

Джейн повернулась: Бенни стоял, уставившись на экран. По крайней мере, его можно исключить из подозреваемых. Никакая куртка не скроет человека размером с дом.

– Назовем его лицом, представляющим интерес, – ответила Джейн.

– И вы увидели его на моей камере наблюдения! Круто.

Но видение было мимолетным – всего лишь тень двух людей, промелькнувшая по экрану.

– Быстрая перемотка вперед, – скомандовала Джейн. – Попробуем поймать его на выходе.

Маркер времени понесся вперед – 21:00, 22:00.

В 23:10 Фрост остановил кадр.

– Приехали, – тихо сказала Джейн.

Голова мужчины была в капюшоне, так что лица его было не разглядеть.

– Он проходит по Утика-стрит с жертвой в восемь пятнадцать, – сказал Фрост. – Уходит в одиннадцать десять. Через три часа.

Времени, чтобы убить и изуродовать, более чем достаточно. «Чем еще вы занимались в ее доме в течение этих трех часов? Наслаждались видами?» Она подумала о Кассандре Койл, безмятежно лежащей на кровати. Причина ее смерти пока неизвестна. Наркотик? Токсин? Как можно уговорить жертву принять яд? Знала ли Кассандра, что ей предлагают смерть?

– Он вообще не показывает лицо, – заметил Фрост. – Ни возраста, ни расовой принадлежности мы не знаем. Можем только предполагать, что это мужчина. Или очень крупная женщина.

– Мы знаем кое-что еще, – сказала Джейн.

– Что?

– Это не какой-то посторонний. – Джейн посмотрела на Фроста. – Она привела его к себе домой.

10

Похороны Кассандры Койл напоминали зону боевых действий.

Со своей скамьи в седьмом ряду церкви Святой Анны Джейн видела ядовитые взгляды, стрелами перелетавшие между двумя враждебными лагерями: прежней жены Мэтью Койла, Элейн, с одной стороны, и его нынешней жены Присциллы – с другой. На скамье за спиной у Джейн женщины сплетничали – и не так чтобы тихо – о второй жене:

– Посмотрите на нее – делает вид, будто переживает за бедную девочку.

– И что Мэтью в ней нашел?

– Ее деньги, конечно. Что же еще? Она сплошной пластик – от лица до банковской карточки.

– Бедняжка Элейн. Ей приходится в такой ужасный день сидеть в одной церкви с этой.

Джейн обернулась: две женщины под шестьдесят сидели, наклонив головы друг к дружке, соединенные неодобрением. Как и первая супруга Мэтью Койла, они несомненно принадлежали к сообществу дам, которые опасались и презирали

женщин вроде Присциллы, уводивших таких слабовольных мужей у законных жен. Их группа заявила сюда сегодня в полном составе, и кое-кто из них, не таясь, бросал недовольные взгляды на Присциллу, которая встала, чтобы обратиться к провожающим. Для этих похорон Присцилла не пожалела денег: гроб ее падчерицы был из красного дерева и щедро украшен белыми гладиолусами. Она прикоснулась к закрытому гробу и театрально замерла, отчего даже Джейн поморщилась, потом подошла к микрофону.

– Большинство из вас, вероятно, знает, что Мэтью сегодня не может быть с нами, – начала Присцилла. – Я знаю, он хотел быть здесь, но он в больнице, приходит в себя после страшной потери замечательной дочери. Поэтому я должна говорить от нас обоих. Мы потеряли – мир потерял – красивую и талантливую молодую женщину. И наши сердца разбиты.

За спиной у Джейн раздалось фырканье, достаточно громкое, чтобы его услышали по другую сторону прохода, где в команде скорбящих со стороны Присциллы сидел Фрост. Джейн увидела, как Фрост недоуменно качает головой, и подумала о том, какие комментарии он слышит от союзников Присциллы, которая мрачно уставилась на фыркнущую женщину.

– Я познакомилась с Касси, когда ей было всего шесть лет. Застенчивая, худенькая девочка, одни только ноги и длинные волосы, – продолжила Присцилла.

Если она и слышала неодобрительный шумок, гуляющий по церкви, то стойко игнорировала его. И еще она избегала смотреть на переднюю скамью, где сидела ее соперница Элейн.

– Хотя мы еще не знали друг друга, Касси обняла меня тоненькими ручками и сказала: «Теперь у меня есть еще одна мамочка». Тогда-то я и поняла, что мы станем настоящей семьей.

– Вранье, – пробормотала женщина за спиной Джейн.

В гробу лежала молодая женщина, ее отец в критическом состоянии находился в больнице, а семья Койл скорбела вот так – с негодованием и яростью. Джейн и прежде сталкивалась с подобным на похоронах жертв. Убийства случаются без предупреждений, не давая возможности заключить перемирие в феодальной

войне или попрощаться. Разговоры остаются незаконченными, и вот результат – семья, которая навсегда останется разделенной этой потерей.

Присцилла села, и произнести прощальное слово встала знакомая Джейн троица – коллеги Кассандры, умудрившиеся привести себя в более или менее божеский вид: на обоих мужчинах были темные костюмы и галстуки. Амбер облачилась в мрачное черное платье, золотое колечко у нее в носу эпатажно посверкивало в свете алтарных ламп. Они напоминали трех ошеломленных первопроходцев, которые каким-то образом забрели в это собрание и не вполне уверены, как себя вести.

Амбер была слишком расстроена, чтобы произнести хоть слово, а Бен просто смотрел на свои кроссовки. Наконец от имени всех троих заговорил Трэвис Чан, моргая в свете прожектора.

– Мы были четырьмя мушкетерами, и Касси была нашим д’Артаньяном, – сказал Трэвис. – Бойцом и лидером. Рассказчицей, которая могла сплести золотую пряжу из детской травмы. Такой была наша Кассандра. Мы четверо познакомились в кинематографическом классе Нью-Йоркского университета, где узнали, что самые сильные истории рождаются из самых болезненных эпизодов нашей жизни. Мы превращали одну из таких историй в кинофильм, когда потеряли Касси.

У Трэвиса сорвался голос, и он сделал паузу, чтобы овладеть собой, Амбер взяла его за руку, а Бен еще ниже опустил голову.

– Если то, что мы узнали на занятиях, правда, – продолжил Трэвис, – если боль и в самом деле рождает лучшие истории, то из этого получится самая адская из историй. Эта потеря принесла нам столько боли, что мы не знаем, что делать с ней. Но мы клянемся закончить то, что начала ты, Касс. Этот фильм – твоя история, твое дитя. Мы тебя не подведем.

Они сошли с подиума и сели на прежнее место.

Несколько секунд все оставались на своих местах.

И в этой затянувшейся тишине неожиданный скрип скамьи оказался подобен удару грома. Со своего места поднялась Элейн Койл. Сегодня мать Кассандры

казалась гораздо более внушительной, чем четыре дня назад, когда Джейн и Фрост допрашивали ее и когда потрясение от потери дочери было таким сильным, что она почти не могла говорить – едва шептала. Теперь она с мрачной решимостью поднялась на подиум и замерла на несколько мгновений, оглядывая аудиторию. В отличие от Присциллы, чье лицо было выщипано и выглажено до лощеной, хотя и искусственной версии вечной молодости, Элейн не скрывала своего возраста, а потому производила более сильное впечатление. В ее неухоженных волосах виднелись белые пряди, лицо бороздили морщины, накопившиеся за пятьдесят восемь лет, но она излучала силу.

И горечь.

– Моя дочь не выносила глупцов, – сказала Элейн. – Она выбирала в друзья только тех, в кого верила, и тысячекратно возвращала их преданность. – Она посмотрела на трех молодых друзей. – Спасибо, Трэвис, Бен и Амбер, за то, что были друзьями моей дочери. Вы знаете о препятствиях, которые пришлось преодолевать Касси. Когда становилось трудно, вы приходили ей на помощь. В отличие от иных людей, которые лишены чувства преданности. Которые отказываются от своих обязанностей при первом же искушении.

Элейн перевела взгляд на Присциллу, и ее лицо посуровело.

За спиной у Джейн среди женщин из команды Элейн пронесся одобрителный шепот.

– Если бы Касси была здесь, она бы сказала вам, что такое настоящая любовь. Она бы сказала вам, что любить – это не отворачиваться от ребенка, которому всего шесть лет. Подобное предательство не загладить никакими деньгами и подарками. Ребенок всегда знает. Ребенок никогда не забывает.

– Господи, кто-нибудь может это остановить? – прошептал мужской голос.

Присцилла встала и вышла из церкви.

Ситуацию попытался выправить священник. Он взошел на подиум, и включенный микрофон транслировал их тихие переговоры:

– Будем переходить к следующему оратору, моя дорогая?

– Нет, мне еще есть что сказать, – возразила Элейн.

– Но возможно, для этого найдется лучшее время? Пожалуйста, позвольте мне проводить вас на место.

– Нет, я...

Элейн неожиданно пошатнулась. Лицо ее побледнело, и она попыталась вцепиться в кафедру.

– Помогите! Кто-нибудь может мне помочь? – воззвал священник, подхватывая ее под мышки.

Он продолжал держать ее, когда ноги Элейн подогнулись и она рухнула на пол.

* * *

Элейн сидела в кабинете священника, прихлебывая очень сладкий чай. Бледность сошла с ее лица, и к ней вернулась твердость; она отказалась от «скорой» и решительно пресекла все разговоры о больнице. Женщина сидела с мрачным лицом и прямой спиной, пока священник суетливо спешил наполнить заварной чайник горячей водой. Позади Элейн высился книжный шкаф, набитый книгами о сострадании, вере и милосердии, но ничего этого не было в ее глазах.

– Уже неделя прошла, – сказала Элейн, глядя на Джейн и Фроста. – А вы так и не имеете представления о том, кто убил мою дочь?

– Мы разматываем все ниточки, мадам, – ответила Джейн.

– И что вы нашли?

– Мы нашли, что у вас очень непростые семейные отношения. – «И нет ничего хуже, чем видеть их во всей их жестокой красе». Джейн подтащила стул и села так, чтобы смотреть в глаза Элейн. – Должна сказать, вы были довольно

неделикатны с Присциллой.

– Она этого заслуживает. Что еще можно сказать о женщине, которая крадет у вас мужа?

– Я бы напомнила, что известное отношение к этому имеет и ваш муж.

– Оба они хороши. Вы знаете, что случилось?

«Не уверена, что хочу знать».

– Мэтью был ее бухгалтером. Платил налоги, отслеживал состояние всех ее многочисленных счетов. Он знал, сколько она стоит. Знал, что она может обеспечить ему безбедную жизнь. Когда он начал летать в командировки, я понятия не имела, что он катается с ней. Я сидела дома с бедной маленькой Касси, и, оставаясь одни, мы чувствовали себя ужасно. По соседству недавно похитили маленькую девочку, все семьи пребывали в смятении, но ему было плевать. Он был занят тем, что обхаживал эту сучку.

Священник замер, держа исходящий паром чайник над заваркой. Он покраснел и отвернулся.

Элейн посмотрела на Джейн:

– Вы с ней разговаривали. Готова поклясться, что она выдала совсем другую версию этой истории.

– Она сказала, что ваш брак уже фактически распался, – ответила Джейн.

– Конечно, она так сказала. Разрушители семей всегда так говорят.

Джейн вздохнула:

– Мы не психотерапевты вашей семьи, мадам. Мы пытаемся найти убийцу вашей дочери. Как по-вашему, смерть Касси могла быть связана с различными конфликтами в вашей семье?

– Я знаю, что они друг друга ненавидели.

– Ваша дочь ненавидела Присциллу?

– Другая женщина налетает, как стервятник, и похищает вашего папочку. Попробуйте представить, что Касси чувствовала. Вы бы на ее месте Присциллу не возненавидели?

Представить это было нетрудно. Джейн вспомнила, как ее собственный отец завел интрижку с женщиной, которую они теперь называли не иначе как «телка». Она подумала о том, что этот роман разбил сердце Анжелы. Теперь, когда увлечение прошло и Фрэнк вернулся домой, можно ли будет соединить осколки в прежнее целое?

– Если вы ищете подозреваемого, который ненавидел мою дочь, – сказала Элейн, – то вам следует присмотреться к Присцилле.

– Нет ли еще кого-то, к кому нам стоит присмотреться? – спросил Фрост. – На прощальную службу пришло много людей. Вы многих из них знаете?

– Почему вы спрашиваете?

– Потому что убийца иногда пытается провести собственное расследование. Он приходит на похороны понаблюдать, как убийство повлияло на семью жертвы. Он задает множество вопросов, стараясь понять, не вышла ли полиция на его след.

Священник уставился на Фроста:

– Вы думаете, что убийца, возможно, был здесь? В моей церкви?

– Такая вероятность всегда существует. Поэтому мы повесили при входе камеру наблюдения, чтобы записать лица всех, кто пришел в церковь. Если убийца приходил, он может оказаться на записи. – Фрост посмотрел на Элейн. – Вы не видели кого-то, кто показался вам не на месте? Кто был здесь чужим?

– Если не считать этого жуткого стада Присциллы? – Элейн отрицательно покачала головой. – Большинство я знаю. Однокашники Касси. Несколько старых друзей из Бруклайна, где она росла. Многие любили ее и пришли отдать дань уважения. – Она с отвращением взглянула на свой остывший чай. – Слава богу, его не пришлось увидеть.

– Кого?

– Мэтью. Говорят, он в коме и прогноз для него неблагоприятный. – Она с торжествующим стуком поставила чашку. – Если он умрет, то я на его похороны не приду.

* * *

– Нет ничего чудеснее, чем большая счастливая семья, слышишь, Фрост? – сказала Джейн, пока они ехали обратно в Бостонское управление полиции, причем Джейн сидела за рулем. – Ее дочь убили, бывший муж при смерти, а ей все не дает покоя ненависть к дрянной второй жене. Я думала, что Присцилла – та еще штучка, но ты посмотри на эту даму.

– Да, чудовищно. Как можно так долго ненавидеть бывшего мужа? Я говорю, это ведь когда было-то? Девятнадцать лет прошло со времени развода.

Джейн остановилась на красный свет и взглянула на Фроста, который прошел через собственный мучительный развод, но никогда не испытывал ненависти к бывшей жене. Теперь он снова смотрел с ней кинофильмы и ел пиццу. Если у кого и отсутствовал ген, ответственный за злопамятство, так это у Фроста, чье легендарное дружелюбие толькоставляло Джейн в дурном свете. Проблема с дружелюбием состояла в том, что люди начинают вытирать о тебя ноги. Джейн росла с двумя братьями, и это научило ее тому, что молниеносный пинок в голень обычно действует куда лучше, чем «очень тебя прошу».

– И ты даже ничуть не злишься на Элис? – спросила она.

– Почему это мы снова заговорили об Элис?

– Потому что мы затронули тему злопамятных бывших.

– Ну, я злюсь, – признался он. – Немного.

– Немного?

– А какая польза от того, что всю жизнь ходишь злым? Это вредит здоровью. Нужно прощать и жить дальше, как твоя мать. Она взялась за ум, верно?

– Ага. Проблема только в том, что папа тоже взялся за ум. И вернулся в ее жизнь.

– Разве плохо, что они снова вместе?

– Приходи на рождественский обед к Риццоли. Увидишь своими глазами, что из этого получается.

– Как мне это воспринимать – как угрозу или как приглашение?

– Моя мать постоянно спрашивает, когда ты снова придешь на обед. Ты для нее как хороший сын, которого у нее никогда не было, и она всегда к тебе неровно дышит, после того как ты поменял ей спущенную покрышку. Так что вполне можешь прийти – еды будет много. Я имею в виду – до безумия много.

– Ой, я бы пришел, но у меня уже есть планы на рождественский вечер.

– Не говори, я сама догадаюсь. – Она посмотрела на него. – Элис?

– Да.

Джейн вздохнула:

– Ладно. Полагаю, ты можешь прийти с ней.

– Ну ты видишь? Вот почему я не могу прийти с Элис. Она очень остро чувствует твою неприязнь.

– Моя неприязнь объясняется тем, как она поступила с тобой. Я ненавижу, когда тебе делают больно. И если она сделает это еще раз, я приду и дам ей поджопника.

– Вот поэтому я и не приду с ней на обед. Но матушке своей передай от меня привет. Она милая дама.

Джейн заехала на полицейскую парковку и заглушила двигатель.

– Жаль, я не могу придумать предлог, чтобы не приходить. Судя по тому, как развиваются отношения между матерью и отцом, от этого вечера не приходится ждать ничего хорошего.

– Ну, у тебя нет выбора. Это твоя семья, и это рождественский вечер.

– Да. – Джейн фыркнула. – О-хо-хо.

11

– Так что там с этой девочкой, у которой выскребли глаза?

Джейн, нахмурившись, посмотрела через обеденный стол на своего брата Фрэнки, который отрезал себе щедрый кусок от жареной бараньей ножки. Их мать целый день провела в кухне, создавая блюда, во всем великолепии расставленные теперь на семейном столе. Баранья ножка была нашпигована зубчиками чеснока и прожарена до идеального промежуточного состояния, когда внутри остается кровь. Вокруг стояли тарелки и салатники, наполненные хрустящим картофелем с розмарином, спаржевой фасолью с миндалем, тремя видами салатов и домашними булочками. Анжела сидела во главе стола с лоснящимся от пота лицом (следствие кухонного жара) и ждала, когда семья поблагодарит ее за это восхитительное пиршество.

Так нет же, Фрэнки понадобилось начать прямо с убийства, и сделал он это, пока нарезал мясо, высвобождая целые ручьи сока с примесью крови.

– Сейчас не время и не место, Фрэнки, – пробормотала Джейн.

– Анжела, еда изумительная, – сказал Габриэль, как всегда внимательный и учтивый зять. – Каждое Рождество вы сами себя превосходите!

– Прошло уже больше недели, – продолжал Фрэнки, ничуть не уstraшенный отповедью Джейн. – Какое там сорок восемь часов. – Он посмотрел на своего отца, Фрэнка, и изрек с авторитетным видом: – Если ты не слышал, па, то первые сорок восемь часов после совершения преступления – это самое благоприятное время для его раскрытия. А у бостонской полиции, кажется, до сих пор и подозреваемого нет.

Джейн мрачно нарезала картошку и спаржевую фасоль для своей трехлетней дочки Реджины.

– Ты знаешь, что я не могу говорить о деле.

– Да прекрасно можешь. Мы же здесь семья. И потом, про него столько говорили в новостях – о том, что преступник сделал с девочкой.

– Во-первых, та конкретная подробность насчет глаз не должна была попадать в новости. Кто-то допустил утечку, и я пытаюсь выяснить кто, черт бы его подрал. Во-вторых, она никакая не девочка. Ей двадцать шесть лет, а значит, мы должны говорить о ней как о женщине.

– Ну-ну, ты все время несешь эту пургу.

– А ты все время игнорируешь мои слова. Мама, жаркое – просто высший класс, – сказала она Анжеле. – Как оно у тебя получается таким нежным?

– Все дело в маринаде, Джейн. Я тебе давала рецепт в прошлом году. Ты забыла?

– Нужно будет найти. Только у меня все равно не получится, как у тебя.

– Вырезать глаза у девушки – в этом, наверно, есть какой-то глубокий психологический подтекст, – сказал Фрэнки, всезнающий авторитет по всем

вопросам. – Тут невольно задумаешься, что значит такая символика. Возможно, этому типу не нравилось, как на него смотрят девочки... извини, женщины.

Джейн рассмеялась:

– Так ты теперь считаешь себя судебным психологом?

– Джейни, – вмешался Фрэнк-старший, – твой брат имеет право на собственное мнение.

– Мнение о том, о чем он ни шиша не знает?

– Я знаю то, что слышал.

– И что же ты слышал?

– Что глаза у жертвы были вырезаны и преступник вложил их ей в руку.

Анжела стукнула по столу вилкой и ножом:

– Неужели мы в рождественский вечер должны говорить о таких ужасах?

– Это их работа, – сказал отец Джейн, набивая рот картошкой. – Нам нужно к этому привыкнуть.

– С каких пор это работа Фрэнки? – поинтересовалась Джейн.

– С тех самых, как он пошел на криминологические курсы на Банкер-Хилл. Ты его сестра, ты должна одобрить его решение. И должна будешь ему помочь, когда он подаст заявление.

– Но я не собираюсь подавать заявление в бостонскую полицию, – произнес Фрэнки с возмутительной ноткой превосходства. – Я уже прошел два этапа в СОСА. Хорошее впечатление. Очень хорошее.

Джейн нахмурилась:

– Что такое СОСА?

– Твой муж знает. – Фрэнки взглянул на Габриэля.

До этого момента Габри занимался тем, что нарезал кусочки мяса для Реджины под размер ее ротика.

– Система отбора специальных агентов, – ответил он с покорным видом.

– Круто, да? – сказал Фрэнк-старший, хлопнув сына по спине. – Наш Фрэнки будет агентом ФБР.

– Не спеши, па. – Фрэнки скромно поднял обе руки. – Это еще только начало. Я прошел первый экзамен. Теперь мне нужно пройти собеседование. И вот тут факт работы моего зятя в агентстве может сослужить мне хорошую службу. Верно, Гейб?

– Полагаю, это не повредит, – дал Габриэль ни к чему не обязывающий ответ. Потом обратился к Анжеле: – Можно еще фасоли? Реджина ее считает, только успевай подавать.

– Вот почему я хочу быть в курсе текущих расследований, – заявил Фрэнки. – Вроде дела этой девицы, у которой вырезали глаза. Я хочу посмотреть, как ведется это дело на местном уровне.

– Знаешь, Фрэнки, я не думаю, что могу тебя чему-то научить, – сказала Джейн. – Я ведь ничего не вижу, кроме работы на местном уровне.

– Странная у тебя позиция! – недовольно произнес отец. – Что, Фрэнки недостаточно хорош для твоего клуба?

– Тут дело не в том, достаточно или недостаточно хорош, папа. Ведется активное расследование, и я не имею права о нем говорить.

– Вскрытие делала твоя зловещая подружка? – спросил Фрэнки.

– Что-о?

– Я слышал, копы дали ей прозвище Королева мертвых.

– Это кто тебе сказал?

– Есть у меня источники. – Фрэнки ухмыльнулся отцу. – Я бы провел с ней ночку в морге.

Анжела оттолкнула назад стул и встала:

– На кой черт я все это затевала? В следующий раз закажу пиццу.

Она прошла через распашную дверь в кухню.

– Не беспокойтесь за нее. Все будет в порядке, – сказал Фрэнк-старший. – Пусть остынет пару минут.

Джейн хлопнула вилкой по столу:

– Ну-ну, продолжайте в том же духе.

– Что? – спросил отец.

– Вы с мамой только что снова соединились. И ты так к ней относишься?

– А в чем проблема? – спросил ее брат. – Так всегда было.

– А если так было всегда, значит это хорошо? – Джейн бросила салфетку и встала.

– Теперь и ты выходишь из-за стола?

– Кто-то должен помочь маме отравить десерт.

Анжела стояла у кухонной раковины и щедро наливала себе вино в стакан.

– Не хочешь поделиться? – спросила Джейн.

– Нет. Я думаю, что заслужила целую бутылку. – Анжела сделала большой глоток. – Все вернулось на круги своя, Джейни. Ничто не изменилось.

«Ты изменилась». Прежняя Анжела не обратила бы внимания на бездумные замечания мужа и стойко отсидела бы весь обед до конца. Но для новой Анжелы эти замечания были как тысячи мелких порезов души. И вот она пыталась здесь, в кухне, заглушить боль с помощью кьянти.

– Ты уверена, что хочешь пить одна? – спросила Джейн.

– Да нет. Давай присоединяйся, – сказала Анжела и налила стакан Джейн.

Они обе отхлебнули вина и вздохнули.

– Ты приготовила королевский стол, мама.

– Я знаю.

– И папа тоже знает. Он просто не умеет выражать благодарность.

Они выпили еще, и Анжела тихо спросила:

– Ты, случайно, не видела Винса?

Джейн вздрогнула, услышав имя Винса Корсака, отставного копа, который сделал ее мать на короткий промежуток времени невероятно счастливой. Пока не вернулся Фрэнк и не предъявил права на жену. Пока католическое чувство вины и долга не вынудило его жену закончить роман с Корсаком.

Джейн нахмурилась, глядя в стакан:

– Да, я довольно часто вижу Винса. Обычно за ланчем у «Дойла».

– Как он там?

– Да все так же, – солгала Джейн.

На самом же деле Винс Корсак выглядел несчастным. У него был такой вид, словно он решил напиться и наесться до смерти.

– Он... встречается с кем-нибудь?

– Не знаю, мама. У нас с Винсом не было возможности толком поговорить.

– Я бы не стала его винить, если он с кем-то встречается. У него есть право жить дальше, но... – Анжела поставила свой стакан. – Боже, я думаю, что совершила ошибку. Я не должна была его отпускать, а теперь уже слишком поздно.

Кухонная дверь распахнулась, и вошел брат Джейн.

– Эй, папа спрашивает, что на десерт.

– Десерт? – Анжела быстро отерла глаза и повернулась к холодильнику. Вытащила картонку с мороженым и вручила Фрэнки. – На.

– И это все?

– А ты рассчитывал на «Запеченную Аляску»? [10 - «Запеченная Аляска» – десерт, состоящий из мороженого на бисквитной подложке, покрытого взбитыми яичными белками, подрумяненными в духовке.]

– Ладно, ладно. Я просто спросил.

– У меня и шоколадный сироп есть. Возьми его для всех.

На пороге Фрэнки повернулся к Анжеле:

– Ма, хорошо, что все вернулось к норме. Я про тебя и папу говорю. Все так, как и должно быть.

– Конечно, Фрэнки, – вздохнула Анжела. – Все так, как и должно быть.

Зазвонил сотовый Джейн. Она вытащила его из кармана, посмотрела на номер и резко ответила:

– Детектив Риццоли.

К ее раздражению, Фрэнки следил за разговором ястребиными глазами. Мистер Будущий Специальный Агент был готов даже подслушивать, чтобы разузнать о деле.

– Сейчас буду, – сказала Джейн и отключилась. – Извини, мама, нужно бежать.

– Что, новое дело? – спросил Фрэнки. – Какое?

– Ты действительно хочешь знать?

– Да!

– Читай завтрашние газеты.

* * *

– Это и вправду из-за меня или нам всегда достаются самые жуткие дела? – спросил Фрост.

Они стояли, дрожа от холода, на пристани Джефффриз-Пойнт, где ветер, гулявший по внутренней гавани, нес с собой тысячи иголок и все их бросал в лицо Джейн. Она подтянула шарф кверху, прикрывая онемевший нос. Всего четыре дня, как зима началась официально[11 -

], а в гавани на воде уже покачивались тонкие ледяные плитки. В расположенном неподалеку аэропорту Логан в небо поднялся самолет, и в реве его двигателей на короткое время исчез ритмический звук воды, плещущейся о сваи.

– Все убийства по-своему жуткие, – сказала Джейн.

– Нет, вовсе не так собирался я провести канун Рождества. Только мы с Элис стали устраиваться поудобнее, как пришлось уходить. – Он уставился на причину, по которой его и Джейн оторвали от праздничного стола и вызвали в это пустынное место. – Ну, по крайней мере, в данном случае установить причину смерти будет нетрудно.

Их фонарики высвечивали белого молодого человека с грудью, обнаженной холодным ветрам. В остальном он был хорошо одет: свободные брюки, ремень из кожи страуса, кожаные броги. Миловидный парень лет двадцати пяти, прикинула Джейн. Хорошо выбритый, холеный, модная прическа со светлой прядью спереди. Грязи под ногтями нет, нет и мозолей на руках. Таких ребят можно увидеть в офисах в центре города.

А не на обдуваемой ветрами пристани с тремя стрелами, торчащими из груди.

Заметив приближающийся свет фар, Джейн повернулась и увидела, как рядом с патрульной машиной остановился «лексус». Из него вышла Маура Айлз, полы ее длинного пальто трепыхались на ветру, как накидка. Она оделась во все зимнему черное: сапоги, свободные брюки, водолазка. Подходящее одеяние для бостонской Королевы мертвых.

– Счастливого Рождества, – сказала Джейн. – У нас для тебя специальный подарочек.

Маура не ответила: ее внимание сосредоточилось на молодом человеке, лежащем у ее ног. Она стянула шерстяные перчатки и засунула их в карман. Ярko-красные латексные перчатки, которые она надела, не могли защитить от холода на таком ветру, и, пока пальцы не онемели, она поспешила присесть и разглядеть стрелы. Все три вошли в грудь спереди, две с левой стороны грудной кости, одна – с правой. Все три проникли так глубоко, что над грудью оставалась лишь половина ствола.

– Кажется, кто-то обзавелся на Рождество новехоньким луком и стрелами, – сказала Джейн. – А этого беднягу использовал как мишень для тренировки.

– Что тут за история? – спросила Маура.

– Охранник во время обхода увидел тело. Он клянется, что за три часа до этого, когда делал предыдущий обход, тела здесь не было. Место удаленное, так что никаких камер наблюдения. Свидетелей найти будет трудно, в особенности учитывая то, что канун Рождества.

– Похоже, это стандартные алюминиевые стрелы, все с одинаковым оранжевым оперением. Такие, вероятно, продаются в любом спортивном магазине, – сказала Маура. – Они вошли в грудь под немного разными углами. Других ран я не вижу...

– И мне это кажется странным, – подхватил Фрост.

– Это единственное, что кажется тебе странным? – спросила Джейн.

– Человека убивают тремя стрелами, все они входят ему в грудь. Чтобы зарядить в лук новую стрелу, требуются секунды две. Но разве этот парень не мог развернуться и броситься наутек? А он, похоже, стоял и ждал, пока кто-то три раза выстрелит в него.

– Я не думаю, что его убили стрелы, – сказала Маура.

– По крайней мере одна из них должна была прошить легкое или что-нибудь еще.

– Безусловно. Судя по их расположению. Но посмотрите, как мало крови натекло из этих ран. Посветите-ка сюда.

Джейн и Фрост навели лучи фонариков на тело, а Маура засунула руку под правую мышку и надавила на кожу пальцами в перчатке.

– В правой подмышечной впадине уже наблюдается синюшность и начинается окоченение. – Она подошла к телу с другой стороны. – А слева синюшности нет. Помогите мне положить его на бок. Я хочу получше разглядеть спину.

Джейн и Фрост присели на корточки рядом с телом. Стараясь не сместить стрелы, они положили тело на правый бок. Сквозь латексные перчатки тело ощущалось таким же холодным, как мясо только что из морозилки. Глаза на ветру щипало, и Джейн прищурилась, глядя на обнаженную спину, освещенную теперь фонарем Мауры.

– Это тело перемещали после его обнаружения? – спросила Маура.

– Охранник говорит, что он к нему даже не прикасался. А что?

– Ты видишь, что синюшность только справа? Кровь скапливалась там под воздействием силы тяжести, потому что он как минимум несколько часов лежал на правом боку. Но мы его увидели лежащим на спине.

– Значит, его убили где-то в другом месте. А сюда привезли в багажнике машины.

– Судя по трупным пятнам, так и произошло. – Маура попробовала согнуть руку убитого. – В конечностях трупное окоченение только начинается. Значит, смерть наступила от двух до шести часов назад.

– И его привезли сюда и положили на спину. – Джейн уставилась на три стрелы с оранжевым оперением, подрагивающим на ветру. – Какой был смысл протыкать его стрелами, если его уже убили? Тут какая-то символическая хрень.

– Возможно, это убийство в состоянии аффекта, – сказала Маура. – Преступник не получил достаточного эмоционального удовлетворения от убийства. И потому убивал его снова и снова, вонзая в него стрелы.

– Или стрелы имеют какой-то скрытый смысл, – заметил Фрост. – Знаете, кто мне приходит на ум? Робин Гуд. Грабь богатых, раздавай бедным. У него ремень из кожи страуса, такой немалых денег стоит. Похоже, деньги у парня водились.

– И тем не менее он оказывается на пристани мертвым и без рубашки, – сказала Джейн. Она повернулась к Мауре. – Если он умер не от стрел, то от чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кожевенный район – район в Бостоне, названный по обилию там в XIX в. кожевенных мастерских.

2

Отсылка к действительному случаю: убийца Чарльз Фредерик Олбрайт, психопат, прозван «глазным убийцей».

3

Horror Movies: You Must See Before You Die» («Сто один фильм ужасов, который вы должны посмотреть, прежде чем умрете»).

4

5

«Вторжение похитителей тел» – научно-фантастический фильм, снятый режиссером Доном Сигелом в 1956 г. по роману Джека Финнея.

6

растений, они попадают в землю и вырастают в большие стручки, и каждый из них способен превратиться в копию того или иного человека, лишенную, однако, всяких человеческих эмоций.

7

«Синий код» – принятое в больницах обозначение клинической смерти или необходимости срочных реанимационных мероприятий.

8

9

Бока-Ратон – популярный курорт во Флориде.

10

«Запеченная Аляска» – десерт, состоящий из мороженого на бисквитной подложке, покрытого взбитыми яичными белками, подрумяненными в духовке.

11

Купить: <https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/ya-znayu-taynu>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)